История твоей жизни (сборник)

Автор:
Тед Чан

История твоей жизни (сборник)

Тед Чан

В сборник «История твоей жизни» вошли рассказы и повести, выдержавшие проверку временем и читательским вниманием.

Тайны инопланетного языка.

Каббалистические имена, оживляющие големов.

Конкурирующие предприятия: Рай и Ад.

Человечество, раздвигающее рамки своих возможностей с помощью фармакологического вмешательства в организм. И многое, многое другое…

Читайте одного из самых титулованных фантастов Америки – писателя, вернувшего НФ интерес настоящих знатоков и ценителей, – и смотрите фильм «Прибытие», снятый по мотивам самой знаменитой его повести!

Тед Чан

История твоей жизни (сборник)

Tad Ghiang

STORIES OF YOUR LIFE AND OTHERS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Tad Ghiang, 2002

© Перевод. М.Б. Левин, 2010

© Перевод. А.А. Комаринец, 2010

© Перевод. А.В. Новиков, 2010

© Перевод. В.А. Гришечкин, 2010

© Перевод. К.С. Егорова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Вавилонская башня[1 - Tower of Babylon © Ted Chiang, 1990.© Перевод. А. Комаринец, 2005.]

Лежала бы башня поперек долины Сеннаарской, два дня ходу понадобилось бы, чтобы пройти от одного ее конца до другого. Но башня стоит, и требуется полный месяц и еще половина, чтобы взобраться от ее основания до вершины, даже если человек не обременен грузом. Однако редкие мужи поднимаются с пустыми руками: большинство волочет за собой тачку с кирпичами. Четыре месяца минет с того дня, когда кирпич, уложенный в тачку, окажется у стены, дабы успокоиться в ней.

Хиллала всю жизнь прожил в Эламе. О Вавилоне он знал лишь то, что там скупают эламскую медь. Медные слитки грузили на корабли, а те держали путь по Каруну в Нижнее море[2 - Персидский залив.] и оттуда уже поднимались вверх по Евфрату. Хиллала и остальные рудокопы двигались посуху с торговым

караваном, везущим ядра для катапульт. Они шли пыльной дорогой, которая, петляя по предгорьям вниз через долинки, вывела их наконец на зеленые поля, расчерченные каналами и насыпями.

Никто из них прежде не видел башни. Она показалась им за много лиг: тоненькая, как ниточка из льняной кудели, линия колыхалась в знойном мареве, вздымалась из корки грязи, какой предстал сам Вавилон. Когда они подошли ближе, корка выросла в могучие городские стены, но башня заслонила все. Когда они опустили взгляд на речную пойму, то увидели шрамы, которые она оставила вокруг города: сам Евфрат протекал теперь по широкому низкому ложу, вычерпанному ради глины для кирпичей. К югу от города рядами выстроились печи для обжига, ныне остывшие.

Когда они подошли к городским воротам, башня нависла над Хиллалой. Он и вообразить не мог подобной громады: единый столп, в обхват, наверное, больше храма, а все-таки возносится так высоко, что исчезает из виду. Рудокопы шли, запрокинув головы и щурясь на солнце.

Нанни, друг Хиллалы, ткнул его в бок локтем, преисполнясь страха.

– И мы на это полезем? На самый верх?

– Поднимемся, чтобы рыть. Это… против естества.

Рудокопы достигли главных ворот в западной стене, откуда как раз выходил другой караван. Все притиснулись друг к другу в узкой полоске тени от стен, а Бели, старший над ними, крикнул привратникам, стоявшим на башнях:

– Мы рудокопы, призванные из земли Эламской.

Привратники обрадовались.

– Это вы прокопаетесь через свод небес? – вопросил один.

– Мы.

Веселился город. Праздник начался восемь дней назад, когда на высоту отправили последние кирпичи, и продолжится еще два. Каждые день и ночь город танцевал, пел и пировал.

Бок о бок с кирпичниками пировали тягловые, чьи мышцы были как связки канатов от бесконечных штурмов башни. Всякое утро какая-нибудь артель начинала восхождение с тачками, они взбирались четыре дня, передавали свой груз следующей артели и на пятый возвращались порожними в город. Одна другую сменяли артели до самой вершины, но только самые нижние пировали с городом. Тем, кто жил наверху, послали достаточно мяса и вина, чтобы праздник растянулся на весь столп.

Вечером Хиллала и другие эламские рудокопы сидели на глиняных скамьях за полным яств столом, одним из многих, какие поставили на городской площади. Рудокопы завели разговор с тягловыми, расспрашивая о башне.

Нанни сказал:

– Один человек говорил, будто каменщики, работающие на вершине, вопят и рвут на себе волосы, если уронят кирпич: ведь четыре месяца уйдет, чтобы его заменить. А когда упадет человек, то не замечают вовсе. Это правда?

Словоохотливый тягловый Лугата покачал головой:

– Нет, это пустые байки. Наверх поднимается непрерывный караван кирпичей, каждый день вершины достигают тысячи штук. Утеря кирпичика для каменщиков ничего не значит. – Тут он наклонился поближе: – Но есть одно, что они и впрямь ценят больше человеческой жизни… Мастерок.

– Но почему мастерок?

– Если каменщик уронит свой мастерок, то будет сидеть праздно, пока не доставят новый. Четыре месяца он не сможет отрабатывать пищу, поэтому вынужден будет брать в долг. Утратив мастерок, каменщик безутешно стенает… Но если падает человек, а его мастерок остается, работники втайне радуются. Следующий, кто уронит свой, может взять лишний и продолжить работу.

Хиллала ужаснулся и уже было попытался подсчитать количество инструмента, взятого с собой рудокопами. А потом догадался.

– Это не может быть правдой. Почему бы не доставить наверх побольше мастерков? В сравнении с кирпичами они весят не больше пера. Да и утрата каменщика обернется немалой задержкой, разве что наверху есть лишние люди, знающие толк в кладке. Не будь таких сменных, работа бы остановилась, пока снизу не вскарабкается новый работник.

Все тягловые расхохотались.

– А ведь его не проведешь, – веселясь, сказал Лугата и повернулся к Хиллале: – Значит, вы начнете подъем сразу после праздника?

Хиллала отпил пива.

– Верно. Я слышал, к нам присоединятся рудокопы с западной земли, но пока их не видел. Ты знаешь о них?

– Да, их родина – земля, которая зовется Египтом, но они не копают руду, как вы. Они добывают камень.

– И мы в Эламе тоже добываем камень, – возразил Нанни, пережевывая кусок свинины.

– Не такой, как вы. Они рубят гранит.

– Гранит? – В Эламе добывали алебастр и известняк, но не гранит. – Ты уверен?

– Купцы, побывавшие в Египте, рассказывают, что там стоят каменные зиккураты и храмы, построенные из известняка и гранита. Из огромных гранитных глыб. А еще из гранита вырубают гигантские статуи.

– Но с гранитом работать тяжко.

Лугата пожал плечами:

– Только не им. Царские зодчие сочли, что такие камнеделы будут полезны, когда вы доберетесь до свода небес.

Хиллала кивнул. Верно, пожалуй. Кто знает наперед, что им понадобится?

– Ты их видел?

– Нет, они еще не подошли, их ожидают только через несколько дней. Однако если они не появятся до конца празднеств, то вы, эламцы, отправитесь наверх одни.

– Но ты будешь сопровождать нас?

– Да, первые четыре дня. Потом придется повернуть вспять, а вы, счастливцы, двинетесь дальше.

– Почему ты называешь нас счастливцами?

– Я мечтаю подняться на самый верх. Однажды я работал с артелью, которая ходит дальше моей, и взобрался на высоту двенадцатого дня, но выше бывать мне не доводилось. Вы же пойдете много дальше. – Лугата уныло улыбнулся. – Завидую вам: вы коснетесь свода небес.

Коснуться свода небес… Взломать его кайлами… От этой мысли Хиллале стало не по себе.

– Завидовать здесь нечему… – начал он.

– Ага, – кивнул Нанни, – когда мы закончим, свода небес коснутся все люди.

Следующим утром Хиллала пошел посмотреть на башню. Он оглядел обширный двор, который ее окружал. Сбоку стоял храм, который сам был немалых размеров, но казался карликом в тени гиганта.

Хиллала нутром чувствовал, какая это громадина. Послушать стариков, так башню возводили с таким запасом прочности, какого не имел ни один зиккурат: на ее строительство шел только обожженный кирпич, тогда как для обычных привозили простой, из высушенной на солнце глины, а обожженный пускали лишь на облицовку. Кирпичи промазывали земляной смолой, которая пропитывала закаленную в огне глину и, отвердевая, скрепляла их крепче камня.

Основание башни походило на нижние две ступени обычного зиккурата. Посреди двора стояла гигантская квадратная платформа длиной в двести локтей и высотой в сорок; по стороне, обращенной к югу, поднимались три лестницы. На этой первой платформе сложили второй уровень, поменьше, подняться на него можно было только по срединной лестнице. Лишь наверху второй платформы начиналась сама башня.

Она была шестидесяти локтей в основании и вздымалась квадратным столпом, который держал на себе груз небес. Снизу ее обвивала, будто кожаный ремень – рукоять, вырубленная в стене дорога. Но присмотревшись, Хиллала увидел, что дорог две и что они перевиты. По внешней кромке каждой тянулась череда колонн, не толстых, скорее широких – для тени. Поднимая взгляд, он видел чередующиеся ленты: дорога, кирпичная кладка, дорога, кирпичная кладка, дорога, кладка, пока глаз еще различал их. А башня все росла, скрываясь из виду, уходила ввысь; Хиллала моргнул и прищурился – у него закружилась голова. Спотыкаясь и пятясь, он сделал несколько шагов и с дрожью отвернулся.

Ему вспомнилась история, которую он слышал в детстве, – ее рассказывали сразу за преданием о Потопе. В ней говорилось о том, как люди снова распространились до последних пределов мира, заселив земель больше, чем прежде. А после они поплыли к краю мира и увидели, как падает с этого края океан и исчезает в тумане, где сливается с черными водами Бездны. И так люди поняли размеры своего мира и почувствовали, сколь он мал, и пожелали узнать, что лежит за его пределами, узреть все Творение Яхве. Тогда они подняли глаза к небесам и спросили себя, не там ли, над кладезями, хранящими небесные воды, стоит чертог Яхве. Так много столетий назад началось строительство башни, столпа в небеса, лестницы, по которой люди способны подняться, чтобы увидеть дело рук Яхве, а Яхве может спуститься, чтобы увидеть дело рук сынов человеческих.

История будоражила Хиллалу: это была легенда о тысячах людей, трудящихся беспрестанно, но радостно, ибо они работали ради познания Яхве. Он обрадовался, когда в Элам пришли за рудокопами вавилоняне. А теперь, когда он стоял у подножия башни, его чувства бунтовали, настаивая, что никому не положено возноситься в поднебесье. Он следил глазами за убегающими ввысь лентами, и чудилось, что они утягивают его за собой.

Но стоит ли карабкаться?

Наутро подъема вторая терраса была от края до края запружена рядами крепких тачек о двух колесах. Многие доверху были нагружены всевозможной едой: мешками с ячменем и пшеницей, чечевицей и луковицами, финиками, огурцами, хлебами и вяленой рыбой. Не было числа громадным глиняным кувшинам с водой, пальмовым вином и маслом, пивом и козьим молоком. Другие тачки щетинились товарами, какие продают на базаре: бронзовыми сосудами, тростниковыми корзинами, штуками льна, деревянными табуретами и столами. Были тут откормленные бык и козел, которым жрецы прилаживали на головы колпаки, чтобы животные не могли смотреть по сторонам и не боялись подъема. Их принесут в жертву, когда они достигнут вершины.

Еще здесь были тачки, куда сложили кайлы и молоты рудокопов, а также все необходимое для небольшой кузни. Старшина рудокопов приказал нагрузить несколько тачек деревом и снопами тростника.

Лугата стоял рядом с тачкой и затягивал веревки, скрепляющие вязанки дров. Хиллала подошел к нему.

– Откуда взялось это дерево? С тех пор как мы ушли из Элама, я лесов не встречал.

– К северу есть целый лес, который посадили в год закладки башни. Стволы сплавляют к нам по Евфрату.

– Вы посадили столько деревьев?

– Начиная строительство, зодчие знали, что древесины на растопку печей для обжига потребуется много больше, чем можно найти на равнине, поэтому приказали насадить лес. Есть артели, чья работа поливать его и взамен каждого срубленного дерева сажать новое.

Хиллала был изумлен.

– И это полностью покрывает потребность в древесине?

– Бо?льшую часть. На севере вырубили много лесов и сплавили по реке. – Он осмотрел колеса тачки, откупорил висевшую у него на поясе кожаную флягу и плеснул немного масла на ступицу.

Поглядывая искоса на раскинувшиеся перед ними улицы Вавилона, подошел Нанни.

– Никогда прежде я не бывал так высоко, чтобы увидеть внизу город.

– И я тоже, – сказал Хиллала, но Лугата только рассмеялся.

– Пойдем. Наши тачки готовы.

Вскоре всех работников расставили попарно и подвели к тачкам. Мужчины стали между двух тягловых жердей, к которым крепились кожаные петли. Рудокопам назначили идти вместе с опытными тягловыми, чтобы новички держали шаг и не замедляли ход всего каравана. Лугата и еще один тягловый оказались позади Хиллалы и Нанни.

– Помните, – сказал Лугата, – держаться нужно в десяти локтях от тачки впереди вас. Когда поворачиваем, всегда тянет тот, кто справа; меняться будете каждый час.

Тягловые начали заводить свои тачки на подъем. Хиллала и Нанни пригнулись, и каждый забросил на плечо по петле. Потом они разом выпрямились, оторвав от земли передок тачки.

– Тяните! – скомандовал Лугата.

Они налегли на ремни, и тачка покатилась. Стоило сдвинуться с места, как тянуть стало совсем легко, и они зашагали, едва не насвистывая. Вот процессия достигла поворота, и снова пришлось приналечь.

– И это здесь называют легкой тачкой? – пробормотал Хиллала.

Дорогу вверх сделали такой ширины, чтобы идущий вниз мог протиснуться рядом с тачкой. За столетия колеса проделали две борозды в кирпичном основании. Потолок над головой выгибался уступчатым сводом: массивные квадратные плиты наползали друг на друга, пока не сходились в середине. Из-за широких колонн справа проход напоминал туннель. Если не смотреть по сторонам, то и не скажешь, что находишься в башне.

– Вы поете, когда рубите проход? – спросил Лугата.

– Если камень мягкий, – ответил Нанни.

– Тогда спойте что-нибудь…

Просьбу передали остальным рудокопам, и вскоре пела вся артель.

Тени укорачивались, а люди взбирались все выше и выше. В укрытом от солнца проходе, на свежем воздухе было много прохладнее, чем на узких городских улочках внизу, где полуденный зной мог убить ящерицу, решись она перебежать из тени в тень. Повернув голову вправо, рудокопы могли видеть Евфрат и тянущиеся на многие лиги поля, пересеченные поблескивающими в лучах солнца каналами. Вавилон представал узором из извилистых улиц и скученных построек, ослепительных от побелки. По мере подъема их оставалось все меньше и меньше в поле зрения: город словно прижимался к подножию башни.

Снова был черед Хиллалы тянуть правую петлю, и он шел почти у колонн, когда услышал крик, раздавшийся уровнем ниже. Он уже собирался остановиться и поглядеть через край, но ему не хотелось сбиваться с шага, к тому же нижнего яруса было не разглядеть.

– Что там происходит? – крикнул он через плечо Лугате.

– Один из ваших рудокопов боится высоты. Такое иногда случается с новичками. Иной раз человек бросается на пол, отказываясь идти дальше. Однако мало кто пугается так рано.

Хиллала его понял.

– И мы знаем сходный страх. Есть люди, которым невыносимо войти в шахту; их гнетет мысль о том, что они будут похоронены заживо.

– Правда? – спросил Лугата. – Я о таком не слышал. А что ты думаешь о высоте?

– Ничего. – Но он поглядел на Нанни – они оба знали правду.

– Ты чувствуешь покалывание в ладонях, верно? – прошептал Нанни.

Хиллала потер руки о грубые волокна веревки и кивнул.

– Я тоже это почувствовал. Раньше, когда был ближе к краю.

– Может, и на нас следует надеть колпаки, как на козла и быка, – пошутил Хиллала.

– Думаешь, мы тоже задрожим, когда взберемся выше?

Хиллала задумался. То, что один из их числа поддался страху так рано, дурной знак. Он отмел эту мысль: тысячи взбирались без опаски, и глуп тот, кто позволит ужасу одного рудокопа заразить всех.

– Просто нам высота в диковину. У нас впереди месяцы, чтобы к ней привыкнуть. Когда достигнем вершины, пожалеем, что башня столь невысока.

– Нет, – сказал Нанни. – Сомневаюсь, что мне захочется снова вот так тянуть лямку.

Они оба рассмеялись.

Вечером они поужинали ячменной похлебкой, чечевицей и луком, а затем легли спать в узких коридорах, уходящих в глубь башни. Наутро рудокопы едва смогли встать, так болели ноги. Тягловые посмеялись и дали новобранцам мазь, чтобы те втерли ее в натруженные мускулы. Еще они распределили их поклажу по другим тачкам, дабы облегчить ношу новичкам.

На второй день от одного взгляда вниз у Хиллалы тряслись колени. На этой высоте дули сильные ветры, и он решил, что выше они станут воистину яростными. Он спрашивал себя, сдували ли они когда-нибудь неосторожных людишек, случайно приблизившихся к краю. Падение будет долгим, хватит времени прочесть молитву, прежде чем ударишься оземь.

Хиллала поежился.

Второй день для рудокопов походил на первый, только стоптанные ноги болели сильнее. Теперь путники могли видеть много дальше, и открывающийся взору простор поражал: открылись лежащие за полями пустыни, караваны выглядели вереницами насекомых. Но ни один рудокоп не испытывал больше панических приступов, и их восхождение ничто не нарушало.

На третий день ноги у рудокопов болели по-прежнему, и Хиллала чувствовал себя немощным старцем. Однако на четвертый день осталась лишь ломота, и тачки рудокопов нагрузили как прежде. Подъем продолжался до вечера, когда они встретились со второй артелью тягловых, быстро спускавшихся налегке по соседней полосе. Обе дороги переплетались, не касаясь друг друга, но соединялись коридорами внутри самой башни. Поравнявшись, тягловые перешли с одной стези на другую.

Рудокопов познакомили с тягловыми второй артели; они беседовали друг с другом и ужинали вместе в тот вечер. На следующее утро первая артель подготовила порожняк к возвращению в Вавилон, и Лугата простился с Хиллалой и Нанни.

– Берегите свою тачку. Она поднималась до верха башни чаще, чем кто-либо из людей.

– Ты и тачке завидуешь? – усмехнулся Нанни.

– Нет, ведь всякий раз, когда она достигает вершины, ей приходится спускаться вниз. Я бы такого не вынес.

Когда в конце того дня вторая артель остановилась, тягловый, ставший позади Хиллалы и Нанни, подошел кое-что показать им. Звали его Кудда.

– Вы никогда не видели с такой высоты, как садится солнце. Пойдем. – Тягловый придвинулся к краю и сел, свесив ноги в пустоту. Но Хиллала и Нанни мешкали. – Не бойтесь. Если хотите, можете лечь и заглянуть за кромку.

Хиллала не хотел выглядеть пугливым дитятей, однако не мог заставить себя сесть на краю обрыва, который, словно скала, уходил вниз на тысячи локтей. Он лег на живот – только его голова выступала за край. Нанни лег рядом.

– Когда солнце начнет садиться, смотрите на стену башни.

Хиллала опустил было взгляд и тут же поспешил перевести его к горизонту.

– И чем же отличается здешний закат?

– Сам подумай. Когда солнце заходит за вершины западных гор, в долине Сеннаарской становится темно. Но здесь мы выше горных хребтов, поэтому еще можем наблюдать солнце. Оно должно опуститься много ниже, чтобы и для нас настала ночь.

Рот у Хиллалы открылся, когда он понял.

– Тени от гор возвещают начало ночи. Ночь приходит на землю раньше, чем сюда.

Кудда кивнул.

– Ты можешь видеть, как ночь карабкается вверх по башне – от земли к небу. Взбирается она быстро, но глаз способен за ней уследить.

С минуту он наблюдал за красным шаром солнца, потом глянул вниз и показал пальцем:

– Глядите!

У подножия колоссального столпа крохотный Вавилон скрылся во мраке. Потом тьма поползла по башне – точно полог разворачивался вверх. Двигалась она вроде бы медленно, и Хиллала решил, что сможет рассчитать ее поступь, но, приближаясь, она набирала скорость, пока не пронеслась мимо них за долю мгновения, и вот все кругом окутали сумерки.

Перекатившись на спину, Хиллала поглядел вверх и еще успел увидеть, как тьма стремительно поднимается к вершине башни. Когда солнце ушло за край мира, небеса потускнели.

– Чудесное зрелище, правда? – спросил Кудда.

Хиллала не сказал ничего. Впервые он познал суть ночи: она – тень земли, отброшенная на небо.

Через два дня Хиллала немного свыкся с высотой. Хотя они поднялись на добрую лигу, он уже мог спокойно стоять у края и смотреть на стену вниз. Держась за колонну, он осторожно наклонился, чтобы глянуть наверх. Там башня уже не походила на гладкий столп.

– Она как будто расширяется кверху, – сказал он Кудде. – Разве такое возможно?

– Присмотрись внимательней. От стен башни отходят деревянные террасы. Они построены из кипарисовых стволов и подвешены на пеньковых канатах.

Хиллала прищурился.

– Террасы? Для чего они?

– На них насыпана земля, чтобы люди могли выращивать овощи. На такой высоте воды мало, поэтому обычно сеют лук. Вот поднимемся выше, где иногда случаются дожди, тогда увидишь бобы.

– Куда же исчезает дождь?

Кудда удивился вопросу.

– Высыхает в воздухе, конечно.

– О, разумеется, – пожал плечами Нанни.

К концу следующего дня они достигли висячих огородов. Это были плоские, густо засаженные луком платформы, подвешенные на толстых канатах, которые крепились к стене сразу под следующим ярусом террас. На каждом ярусе в теле башни имелось по несколько узких комнат, где жили семьи тягловых. Проходя, рудокопы видели женщин, которые, сидя на пороге, шили туники или трудились в огородах, выкапывая клубни. Дети играли в салочки среди тачек и без страха пробегали по самому краю. Обитатели башни приветливо улыбались рудокопам и махали им руками.

Когда пришло время вечерней трапезы, тачки поставили на землю и сняли с них съестное и другие товары, чтобы раздать здешним людям. Тягловые приветствовали свои семьи и пригласили рудокопов разделить с ними ужин. Хиллала и Нанни ели с семьей Кудды, которая приготовила вкусную трапезу: вяленую рыбу, хлеб, фрукты и пальмовое вино.

Хиллала понял, что в этой части башни вырос своеобразный городок, разбитый между двух улиц – дороги вниз и дороги вверх. Здесь был храм, где по праздникам совершали жертвоприношения. Здесь жили городские старшины, улаживающие споры. Здесь стояли лавки: товары для них привез их караван. Разумеется, город был неотделим от каравана: один не мог прожить без другого. И все же суть каравана – в преодолении пути, который начинается в одном месте и завершается в другом. И городок тоже построили как временное пристанище; он был лишь частью многовекового пути.

После трапезы Хиллала спросил у Кудды и его семьи:

– Кто-нибудь из вас бывал в Вавилоне?

Ответила жена Кудды Алита:

– Нет. К чему это нам? Путь неблизкий, а у нас есть все, что нужно.

– Вы не хотите ступить на землю?

Кудда пожал плечами:

– Мы живем на дороге в небеса. И трудимся для того, чтобы проложить ее дальше. Когда мы покинем башню, то пойдем вверх, а не вниз.

Рудокопы все поднимались, и однажды настал день, когда, заглянув за край, они увидели, что башня и вверх, и вниз выглядит одинаково. Ее стена терялась из виду задолго до того, как достигала долины внизу. Но и вершины отсюда было не видно. Куда ни глянь – одна только стена. И смотреть в обе стороны было страшно, ибо душа не утешалась последовательностью: они перестали быть частью земли, но и частью неба не стали тоже. Башня казалась подвешенной в воздухе нитью, не привязанной ни к земле, ни к своду.

В тяжкие дневные переходы Хиллала иногда отчаивался, чувствуя, что потерял свое место в мире: как будто земля отвергла его за неверие, а небо не удостоило впустить к себе. Он возжелал, чтобы Яхве подал сынам человеческим знак, что их затея во благо. Как иначе они могут оставаться в месте, где столь неприютно душе?

Но обитатели башни и здесь были довольны своим положением: рудокопов они всегда приветствовали тепло и желали им удачи в трудах у свода. Эти люди жили в сыром тумане густых облаков, грозы видели и снизу, и сверху, из воздуха собирали свой урожай и никогда не страшились, что здесь им не место. Никто не ждал ни утешения, ни поощрения свыше.

Шли недели, солнце и луна, ежедневно стремясь к зениту, всходили все ниже и ниже. Луна заливала южную часть башни серебряным сиянием, светилась точно вперившийся в них глаз Яхве. Еще через несколько дней караван поравнялся с луной, достиг уровня первого из небесных тел. Прищурив глаза на выщербленный лик, они любовались его величественным движением.

Потом они приблизились к солнцу. Был летний сезон, когда огненный шар над Вавилоном стоял почти прямо над головой, а значит, на этой высоте проходил близко к башне. Ни одна семья не жила в этой части, не было тут и террас, ибо жар обжигал так, что высыхали и рассыпались в пыль ячменные зерна. Здесь кирпичи скрепляли не земляной смолой, которая размягчилась бы и потекла, а запекавшейся от жара глиной. Защищая от дневного зноя, колонны здесь стали совсем широкими, превратились почти в единую стену, и дорога проходила в туннеле с узкими щелями, впускающими свистящий ветер и лезвия золотого света.

Прежде артели тягловых сменялись через равные промежутки времени, но теперь пришла иная пора. Каждое утро караван выступал в путь все раньше и раньше, чтобы как можно дальше успеть пройти в темноте. Когда они поднялись вровень с солнцем, то шли только ночью. Днем они пытались поспать – голые и потеющие под раскаленным ветром. Рудокопы беспокоились, можно ли им заснуть, не зажарятся ли они насмерть до пробуждения. Но тягловые много раз проделывали этот путь и пока не потеряли ни одного человека. Со временем караван миновал уровень солнца, и тогда все стало так, как было под ним.

Только теперь солнечные лучи били снизу вверх, что казалось совсем уж противным естеству. В террасах зияли щели, чтобы дневной свет омывал растения, которые росли вбок и вниз, изгибались и тянулись к животворным лучам.

Затем караван подошел к уровню звезд, маленьких огненных сфер, разбросанных насколько хватало глаз. Хиллала думал, они должны висеть теснее друг к другу, но, хотя здесь светили крохотные, невидимые с земли звездочки, сферы все же были рассыпаны слишком уж скудно. И располагались они не на одной высоте, а занимали просторы на следующие несколько лиг вверх. Трудно сказать, насколько высоко они находились, так как ничто не указывало на размер звезд, но иногда какая-нибудь приближалась, и тогда можно было убедиться в стремительности их движения. Хиллала догадался, что все тела в небе мчатся с одной скоростью, чтобы за день успеть совершить путешествие от одного края мира к другому.

Днем небо было гораздо светлее, чем казалось с земли, – знак того, что путники приближаются к своду. Рассматривая небеса, Хиллала с удивлением заметил: здесь звезды видны и днем. С земли они терялись за яростным сиянием солнца, но на такой высоте просматривались совсем ясно.

Однажды к нему прибежал Нанни.

– В башню ударила звезда!

– Что? – Объятый страхом Хиллала оглянулся по сторонам, чувствуя себя так, словно под дых двинули его самого.

– Нет, не сейчас. Это было давно, больше ста лет назад. Один из местных стариков как раз об этом рассказывает. Отец его отца видел все своими глазами!

Они вошли в комнатку за коридором: несколько рудокопов сидели вокруг сморщенного старика.

– …засела в кладку в полулиге кверху отсюда. Выбоину до сих пор видно, она словно исполинская оспина.

– А что стало со звездой?

– Она горела и шипела и была такая яркая, что болели глаза. Люди подумали, не извлечь ли ее, чтобы она могла продолжить свой ход, но из-за жара к ней нельзя было подступиться, и они не посмели ее погасить. Прошли недели, и она сама остыла, превратилась в шишковатый слиток черного небесного металла. Так велик был ком, что его едва можно было обхватить руками.

– Так велик? – изумленно переспросил Нанни. Когда звезды по собственной воле падали на землю, люди находили иногда небольшие слитки небесного металла, который казался крепче самой лучшей бронзы. Этот металл нельзя было расплавить для отливки, поэтому его обрабатывали кувалдой, раскалив прежде докрасна; из него изготавливали амулеты.

– И верно, не слыхано, чтобы такой слиток нашли на земле. Представляешь себе, какие можно было бы отковать из него инструменты!

– Вы ведь не попытались пустить его на инструменты, правда? – в ужасе спросил Хиллала.

– О нет. Люди боялись к нему прикоснуться. Все спустились с башни и ждали возмездия Яхве за то, что нарушили ход его творения. Они ждали многие месяцы, но не дождались знака. Наконец они вернулись и извлекли из кладки звезду. Сейчас она в каком-то городском храме внизу.

Повисла тишина. Потом один рудокоп сказал:

– Ни в одном из рассказов о башне я такого не слышал.

– Это проступок. О подобном не говорят.

Они поднимались и поднимались, и небеса становились все более блеклыми, и, проснувшись однажды утром и став у края, Хиллала вскрикнул от неожиданности: то, что доселе казалось бледным небом, сейчас предстало бескрайним белым потолком. Они подошли так близко, что узрели небесный свод, увидели его, как плотный массивный панцирь, сковавший простор. Все рудокопы, когда говорили, понижали голос и, как полоумные, пялились вверх, а обитатели башни над ними смеялись.

Снова двинувшись в путь, они были поражены, насколько же близко подобрались к своей цели. Гладкий, невыразительный свод обманул их, представляясь прежде невидимым, пока не оказался вдруг прямо у них над головами. Теперь люди ползли не в небо, а к бесцветной равнине, протянувшейся во все стороны насколько хватало глаз.

При виде ее все чувства Хиллалы пришли в смятение. Временами, поднимая глаза на свод, он ощущал, что мир каким-то образом перевернулся, и, если оступишься, упадешь вверх – навстречу небу. А покоящийся над головой рудокопа свод словно бы лег на него, придавил своим грузом. Небо было той же твердью, что и земля, но не имело опоры, и Хиллала познал страх, какого никогда не испытывал в шахтах: страх перед тем, что на него упадет потолок.

Еще, бывало, свод казался вертикальным обрывом невообразимо высокой скалы, которая вставала перед ним, а оставшаяся позади полузабытая земля представлялась вторым таким же. Башня виделась канатом, туго натянутым между ними. Посещали мысли еще более страшные: нет ни верха, ни низа, и само тело Хиллалы готово потеряться, утратив ориентиры. Это было сродни

боязни высоты, только гораздо хуже. Часто он просыпался от беспокойного сна – весь в поту и с онемевшими пальцами, которыми цеплялся за кирпичный пол.

Нанни и другие рудокопы тоже смотрели перед собой затуманенным взором, хотя никто не заговаривал о том, что тревожит их сны. Подъем не ускорился, а, напротив, замедлился: как заметил старшина Бели, вид свода внушает страх, а не жажду приблизиться. Тягловые стали негодовать и сердиться на рудокопов. Хиллала задумывался, что за люди вырастают из тех, кто всю жизнь провел на башне. Как они сопротивляются безумию? Привыкают к таким условиям? И не зайдутся ли плачем рожденные под твердым небом дети, почувствовав под ногами землю?

Возможно, сыны человеческие не созданы для того, чтобы жить в вышине. Если их собственное естество мешает им подойти к небесам слишком близко, значит, людям следует оставаться на земле.

Когда караван достиг вершины, рудокопы перестали чувствовать себя потерянными или, может быть, просто утратили остроту восприятия. С квадратной площадки на вершине они увидели самую поразительную картину, какая только открывалась человеческому взору: за пеленой колышущегося тумана далеко внизу раскинулся насколько хватало глаз ковер суши и морей. Прямо над ними – крыша самого мира, последняя твердь, ручательство того, что выше этой смотровой площадки ничего уже нет. Перед ними лежит все Творение, какое только возможно узреть.

Жрецы вознесли молитвы Яхве: они благодарили его за возможность увидеть столь многое и молили простить, что жаждут увидеть еще больше.

И на вершине клали кирпичи. Густая, едкая вонь вара поднималась от нагреваемых котлов, в которых плавились куски земляной смолы. Это был самый земной запах, какой ощутили рудокопы за четыре месяца; их ноздри жадно ловили его, пока не переменился ветер. Здесь, на вершине, жижа, некогда сочившаяся из щелей в земле, теперь затвердевала, чтобы скрепить камни: земля отращивала руку в небо.

На последней площадке трудились каменщики, перемазанные смолой мужчины, которые смешивали раствор и ловко клали тяжелые кирпичи. Эти мужи не могли

позволить себе испытать головокружение, когда глядели на свод, ведь башня и на пядь не должна отступать от вертикали. Каменщики наконец приблизились к завершению своих трудов, и после четырех месяцев пути рудокопы были готовы начать свои.

Вскоре вслед за ними пришли египтяне. Имели они кожу темную, тела худощавые и бороды редкие. Они притащили тачки, заполненные долеритовыми молотками, бронзовыми инструментами и деревянными клиньями. Их глава звался Сенмут, и он стал совещаться с Бели, старшим над эламитами, как им проникнуть в свод. Из привезенного с собой скарба египтяне, как эламиты, воздвигли кузню, чтобы заново отливать бронзовые орудия из тех, которые затупятся в забое.

Став на цыпочки, любой мог бы коснуться свода кончиками пальцев вытянутой руки. Если подпрыгнуть и приложить к нему ладонь, на ощупь свод окажется гладким и прохладным. Он был как будто из мелкозернистого белого гранита, не имевшего ни единой отметины. И в этом заключалась трудность.

Некогда Яхве обрушил Потоп, выпустив на волю воды верха и низа. Воды Бездны вырвались из источников земных, а воды Небесные излились через шлюзовые ворота кладезей. А теперь, увидев свод вблизи, люди не могли отыскать в нем ворот. Они всматривались в белую поверхность, но ни одного отверстия, ни одного окна, ни одного шва не нарушало гранитной глади.

Казалось, их башня поднялась к своду в том месте, откуда было далеко до небесных хранилищ, что являлось истинным благом. Окажись поблизости шлюзовые ворота, была бы опасность вскрыть их и опустошить хранилище. И тогда на Сеннаар падет дождь – не ко времени года и сильнее, чем зимние ливни, и из-за него вздуется Евфрат. Когда опустошится хранилище, остановится и дождь, но, возможно, Яхве захочет наказать людей, и дождь будет лить, пока не упадет башня и Вавилон не растворится в глине и иле. Хотя ворота скрывались от взоров людских, опасность все равно оставалась. Что, если у ворот нет стыков, видимых человеческому глазу, и хранилище располагается прямо над их головами? А вдруг оно настолько огромно, что, даже если ворота находятся в нескольких лигах, хранилище все равно нависает прямо над ними?

Шли бесконечные споры о том, что предпринять теперь.

– Яхве не смоет башню, – уверенно заявил кирпичник по имени Квурдуза. – Окажись башня святотатственной, Яхве давно бы ее разрушил. А ведь за все столетия, что люди ее строят, мы не видели ни малейшего признака его недовольства.

– Если бы Яхве благоволил нашей затее, нас уже ждала бы лестница внутри свода, – возразил эламит по имени Элути. – Яхве не станет ни помогать нам, ни препятствовать. Если мы проломим стену хранилища, на нас хлынет вода.

В такую минуту Хиллала не мог скрывать свои сомнения.

– А что, если воды бесконечны? – спросил он. – Яхве, вероятно, нас не накажет, но может позволить нам самим навлечь на себя беду.

– Эламит, – сказал ему Квурдуза, – пусть ты и новичок на башне, но уж, наверное, повидал достаточно. Мы трудимся из любви к Яхве и поступали так всю нашу жизнь, как наши отцы, и отцы наших отцов, и их отцы до них. Таких праведников, как мы, не может ждать суровая кара.

– Пусть наши намерения чисты, но это еще не значит, что мы воплощали их мудро. Верную ли дорогу избрали сыны человеческие, решив провести свою жизнь вдали от глины, из которой были созданы? Ни разу Яхве не подал знак, что люди сделали правильный выбор. Сейчас мы готовимся взломать небеса, хотя и знаем, что над нами вода. Если мы заблуждаемся, то на чем основана уверенность, будто Яхве защитит нас от наших собственных ошибок?

– Хиллала призывает к осторожности, и я на его стороне, – заявил Бели. – Мы должны убедиться, что не навлечем на мир второго Потопа или хотя бы опасных дождей на долину Сеннаарскую. Я говорил с Сенмутом, египтянином, и он показал мне, как они запечатывали гробницы своих царей. Думаю, когда мы начнем копать, их опыт поможет нам.

Жрецы принесли в жертву быка и козла на церемонии, где были произнесены многие священные слова и много воскурено благовоний, после чего рудокопы взялись за работу.

Задолго до того, как рудокопы достигли свода, стало очевидно: простой забой кайлами и молотами пользы не принесет. Даже если бы они прорубали горизонтальный туннель, то твердый гранит не позволил бы им продвигаться больше чем на два пальца. Работа же в вертикальном туннеле будет идти намного, намного медленнее. Поэтому они прибегли к огню.

Они разложили большой костер под сводом и полный день без устали подкладывали в него поленья. От жара камень пошел трещинами и начал крошиться. Дав костру догореть, рудокопы полили свод водой, чтобы он растрескался еще больше. Расширив трещины кайлами, они смогли теперь откалывать крупные куски, которые тяжело падали на вершину башни. Так они могли продвигаться на добрый локоть в каждый из дней, когда горел костер.

И все же туннель не поднимался прямо, а шел, как лестница, под углом, чтобы потом можно было соединить его с башней ступенями. Выжигание выглаживало пол и стены: рудокопы вбили клинья и на них основали доски-ступеньки, не позволяющие соскальзывать вниз. Еще они сложили помост из обожженных кирпичей, чтобы на нем разводить костер в конце туннеля.

Когда туннель углубился на десять локтей, они выровняли его и расширили – получилась комната. Потом рудокопы вынули весь ослабленный огнем камень, и тогда их место заняли египтяне. Камнеделы не прибегали к огню. Работая только долеритовыми ядрами и молотками, они начали строить скользящую дверь из гранита.

Сперва они продолбили канавки, чтобы вырубить в одной из стен огромный гранитный блок. Хиллала и другие рудокопы пытались помочь, но увидели, что это очень трудно: здесь камень не истирали дроблением, а скалывали мерными ударами молотка одной и той же силы; ударь сильнее или слабее – и все труды пойдут впустую.

Прошло несколько недель, и блок был готов. В высоту он превосходил мужчину. Чтобы отделить его от пола, у основания камня выдолбили бороздки, а затем забили в них высушенные на ветру деревянные клинья. В эти клинья вбили другие, потоньше, чтобы первые расщепились, потом в трещины налили воды, давая набухнуть древесине. Через несколько часов камень понизу треснул, и блок высвободился.

В задней части комнаты по правую руку рудокопы выжгли узкий, поднимающийся вверх под углом коридор, а в полу перед входом продолбили паз, на локоть утопленный вниз. Получился единый гладкий скат, проходивший через пол прямо напротив входа и заканчивавшийся чуть левее его. На этот скат египтяне затащили гранитный блок. Они затянули и затолкали его в боковой проход, куда он едва-едва поместился, и укрепили на месте стенкой из плоских иловых кирпичей, которую оперли о низ левой стены – словно на скат легла колонна.

Скользящий камень должен задержать воду, и потому рудокопы могли спокойно продолжать рыть. Если люди проломят стену хранилища и небесные воды хлынут в туннель, то работники сломают кирпичи и камень поползет вниз, пока не остановится в углублении в полу, намертво заблокировав вход. Если воды польются с такой силой, что вымоют из туннеля людей, иловые кирпичи понемногу растворятся и камень все равно соскользнет вниз. Он удержит поток, и рудокопы смогут начать новый туннель в другом направлении, чтобы обогнуть хранилище.

Рудокопы опять развели костер, на сей раз в дальнем углу комнаты. Для циркуляции воздуха на высоких деревянных рамах натянули бычьи шкуры, а рамы поставили наискосок по обе стороны от входа в туннель. Так ветер, непрестанно дующий под сводом небес, загоняли в туннель. Он не давал погаснуть костру и очищал воздух после того, как огонь гасили, чтобы эламиты могли работать, не задыхаясь от дыма.

Египтяне, поставив на место скользящий камень, тоже не сидели праздно. Пока рудокопы махали кайлами в конце туннеля, они вырубали в камне лестницу на смену деревянной времянке. И это они тоже делали с помощью деревянных клиньев, а на месте вынимаемых из покатого пола блоков оставались ступени.

Так работали рудокопы, прокладывая туннель все дальше и дальше. А он все поднимался – и хотя через равные промежутки, точно нить в шве, менял направление, но его общий ход оставался неизменным. Были построены и другие комнаты со скользящими дверями, чтобы, если вдруг проломится стена хранилища, затопило только самый верхний участок туннеля. Египтяне долбили бороздки в поверхности свода, а в них подвешивали навесные дорожки и площадки. От этих платформ на расстоянии многих локтей от башни вырыли боковые туннели, сходившиеся в недрах свода к главному. В эти отводные

туннели тоже гнали ветер, чтобы он выводил дым.

Работы шли годами. Артели тягловых доставляли уже не кирпичи, а воду и дерево для костров. В туннелях у поверхности свода поселились люди и на висячих платформах насадили изгибающиеся книзу овощи. Рудокопы жили у предела небес; кто-то нашел себе жену и вырастил детей. Немногие с тех пор ступили на землю.

Обернув влажной тряпкой лицо, Хиллала спустился по деревянным ступеням на камень – он только что подложил поленьев в костер в конце туннеля. Огонь будет гореть еще много часов, а он пока станет ждать на нижнем ярусе, где воздух несколько свежее.

Тут раздался отдаленный грохот обвала, звук, с которым раскалывается каменная гора, а за ним – мерный и все нарастающий рев. И тут из туннеля хлынул поток воды.

На мгновение Хиллала застыл от ужаса. Вода, страшно холодная вода ударила его по ногам, повалила на пол. Он поднялся, он ловил воздух ртом, он силился удержаться против течения, цепляясь за ступени.

Рудокопы наткнулись на хранилище.

Ему надо спуститься под самую верхнюю скользящую дверь до того, как она закроется. Его ноги хотели прыгать по ступеням, но он понимал, что, поддайся порыву, не удержится на ногах и его унесет вниз гневный поток. Двигаясь так быстро, как только смел, Хиллала стал переползать со ступени на ступень.

Несколько раз он оступался, соскальзывал на десяток ступеней, камень царапал ему спину, но он не чувствовал боли. И все это время он с ужасом ждал, что туннель вот-вот обвалится и раздавит его или же расколется все хранилище, и у Хиллалы под ногами разверзнется небо, и с небесным дождем он полетит на землю. Настал час кары Яхве, время второго Потопа.

Когда же он достигнет скользящего камня? Туннель все тянулся и тянулся, и вода лилась даже как будто быстрее. Хиллала почти бежал по ступеням.

Вдруг он оступился и с плеском упал в неглубокую заводь. Он добрался до конца лестницы и упал в нескольких шагах перед скользящим камнем, и вода здесь была ему выше колен.

Встав, он увидел Дамквийю и Ахуни; заметили его и рудокопы. Они стояли перед камнем, который уже закрыл выход.

– Нет! – вырвалось у него.

– Они его закрыли! – закричал Дамквийя. – Они не стали ждать!

– Еще кто-нибудь придет, – без особой надежды крикнул Ахуни. – Тогда мы сумеем сдвинуть блок.

– Других нет, – ответил Хиллала. – Они могут оттолкнуть его со своей стороны?

– Они нас не слышат. – Ахуни несколько раз ударил в гранитную стену кайлом, но звук потерялся за грохотом воды.

Хиллала оглядел крохотную комнату и только тогда заметил плававшее лицом вниз тело египтянина.

– Он умер, упав с лестницы, – проорал Дамквийя.

Ахуни закатил глаза.

– Пощади нас, Яхве.

Трое стояли в прибывающей воде и жарко молились, но Хиллала знал, что это напрасно: его час настал. Яхве не просил сынов человеческих строить башню или проникать в свод, решение воздвигнуть ее принадлежало им одним, и они умрут в этих стараниях, как погибал каждый в своем земном труде. Благочестие не спасет людей от последствий их деяний.

Вода поднялась им до середины груди.

– Давай подниматься! – крикнул Хиллала.

Они ползли по туннелю мучительно, наперекор течению, а вода поднималась за ними по пятам. Немногие факелы, освещавшие путь, погасли, поэтому люди карабкались в темноте, бормоча молитвы, которых сами не слышали. Деревянные планки-ступени наверху туннеля сорвались с мест и перегородили туннель. Несчастные с трудом перебрались через них и ползли, пока не достигли гладкого каменного склона; остановились и стали ждать, когда вода понесет их выше.

Рудокопы ждали молча, их молитвы иссякли. Хиллала воображал, что стоит в черной глотке Яхве, Всесильный большими глотками пьет небесную воду и готов проглотить грешников.

Вода поднялась и понесла их за собой, и вскоре Хиллала уже мог, вытянув руку, коснуться потолка. Колоссальная расщелина, из которой хлестала вода, пролегла совсем рядом. Остался лишь крохотный пузырь воздуха. Хиллала закричал:

– Когда эта комнатка наполнится, мы сможем выплыть на небо.

Он не знал, услышали ли его. Наконец вода достигла потолка, он в последний раз набрал в легкие воздух и поплыл в расщелину. Он умрет намного ближе к небу, чем кто-либо до него.

Расщелина тянулась на много локтей. Как только Хиллала миновал ее, край разлома ускользнул из-под его пальцев, и теперь, даже дергая конечностями, он касался лишь пустоты. Ему было показалось, что его уносит течением, но потом он усомнился и в этом. Его окружала одна только тьма, и он снова испытал ужасающее головокружение, какое познал, когда впервые приблизился к своду: он не мог различить сторон света, не знал даже, где верх, а где низ. Он барахтался в воде, но не понимал, сдвигается ли с места.

Теперь он бессилен. Возможно, он дрейфует в стоячей воде, возможно, его несет бурный поток – он ощущал лишь холод, от которого цепенело все тело. Он ни разу не увидел и луча света. Неужто в этом хранилище вообще нет поверхности, к которой он мог бы всплыть?

Тут его снова ударило о камень. Пальцами он коснулся другой расщелины. Неужели он вернулся туда, откуда начал? Течение потянуло его внутрь, и у него не было сил противиться. Его засосало в туннель, где то и дело било о стены. Туннель был невероятно глубок, как самая длинная шахта: Хиллале казалось, его легкие вот-вот разорвутся, но проход все не кончался. Наконец он больше не смог задерживать дыхание, и воздух вырвался меж его губ. Он тонул. Чернота вошла в его легкие.

Но внезапно стены раздвинулись. Его нес стремительный поток; он почувствовал воздух над водой! А потом уже ничего больше не чувствовал.

Хиллала очнулся. Лицом он прижимался к влажному камню. Он не видел ничего, но ощущал под ладонями воду. Хиллала перекатился и застонал, члены его болели, он был наг, и почти вся его кожа представляла собой единую ссадину, а местами сморщилась от влаги, но он вдыхал воздух.

Прошло немного времени, и наконец он смог встать. Вокруг его коленей бурлила вода. Он сделал шаг в сторону – вода стала глубже. По другую руку был сухой камень: на ощупь – глинистый сланец.

Кругом было черно, как в забое без факела. Расцарапанными руками он нащупывал себе дорогу по дну, пока оно не поднялось и не стало стеной. Медленно, будто слепая тварь, он ползал взад-вперед. Он нашел источник воды – это было большое отверстие в полу. Он вспомнил! Его извергло из хранилища через дыру. Он ползал и ползал; казалось, прошли часы; если он находился в пещере, то в огромной.

Он нашел место, где пол поднимался покато вверх. Может быть, там проход? Может быть, новый туннель все-таки приведет его на небеса?

Хиллала полз, не зная хода времени, безразличный к тому, что не сможет повернуть вспять, поскольку не мог вернуться туда, откуда пришел. Он следовал туннелями вверх, когда натыкался на них, туннелями вниз, когда не оставалось иного выхода. Хотя прежде он наглотался воды больше, чем считал возможным, его начала мучить жажда.

И со временем он увидел свет и поспешил к нему.

Свет заставил его зажмурить глаза, и человек пал на колени, зажав кулаками глазницы. Это сияние Яхве? Вынесут ли его глаза вид бога? Прошло несколько минут, и, заставив себя открыть их, он увидел перед собой пустыню. Он выбрался из пещеры у подножия каких-то гор, песок и камни простирались до самого горизонта.

Неужто небеса в точности походят на землю? Неужто Яхве живет в подобном месте? Или это просто иное царство в Творении Яхве, иная земля, расположенная поверх его собственной, а сам Яхве обитает еще выше?

Солнце стояло у горных вершин за спиной Хиллалы. Оно встает или садится? Есть ли здесь ночи и дни?

Прищурившись, Хиллала всмотрелся в песчаную даль. У горизонта двигалась неровная ниточка. Караван?

Хиллала помчался к нему, крича, напрягая пересохшее горло, пока не задохнулся, и вынужден был остановиться. Некто в хвосте каравана увидел бегущего и заставил встать всю вереницу. Хиллала побежал опять.

Заметивший его походил на человека, а не на духа, и одет был как для пути через пустыню. Он держал наготове бурдюк. Еще задыхаясь от бега, Хиллала выпил сколько смог.

Наконец он вернул бурдюк владельцу и через силу спросил:

– Что это за место?

– На тебя напали разбойники? Мы направляемся в Эрех.

Хиллала уставился на него в изумлении.

– Не обманывай меня! – закричал он. Мужчина отпрянул и посмотрел на Хиллалу так, будто тот потерял разум, перегревшись на солнце. Хиллала увидел другого мужчину, который шел от головы каравана узнать, в чем дело. – Эрех ведь в долине Сеннаарской!

– Да, верно. Разве ты не туда направлялся?

Второй мужчина держал наготове посох.

– Я пришел из… я был в… – Хиллала остановился. – Вы знаете про Вавилон?

– А, вот куда ты держал путь? Это к северу от Эреха. Дорога туда нетрудная.

– Башня. Вы о ней слышали?

– Конечно. Это столп в небеса. Говорят, люди на вершине роют туннель через небесный свод.

Хиллала упал на песок.

– Ты нездоров?

Погонщики пробормотали что-то друг другу и отошли посовещаться с остальными. Хиллала на них не смотрел.

Он в долине Сеннаарской. Он вернулся на землю. Он прополз через хранилища небесных вод и снова оказался на земле. Яхве привел его в это место, чтобы помешать подняться выше? Но Хиллала пока не видел никаких знаков, никаких указаний на то, что Яхве его заметил. Он не испытал, не ощутил чуда, которое совершил бог, чтобы перенести смертного сюда. Насколько Хиллала мог понять, он просто проплыл вверх от свода и вынырнул в пещере под землей.

Каким-то образом свод небес оказался под землей. Словно земля и небо лежали бок о бок, опирались друг на друга, хотя и были разделены многими лигами. Как такое возможно? Как могут соприкасаться столь отдаленные места? Голова у Хиллалы шла кругом.

А потом его осенило: цилиндр для печатей. Если прокатить его по табличке из мягкой глины, резной цилиндр оставлял складывающийся в рисунок отпечаток. Две фигуры могут оказаться по разные концы таблички, хотя на поверхности цилиндра они стоят бок о бок. Весь мир – такой цилиндр. Люди воображают себе землю и небеса как углы таблички, а между ними – растянувшиеся небо и

звезды. На самом же деле мир загадочным образом свернут так, что земля и небеса соприкасаются.

Теперь стало ясно, почему Яхве не поразил башню, не покарал сынов человеческих, посмевших вторгнуться за назначенные им пределы: ведь самый долгий путь только вернет их туда, откуда они вышли. Столетия труда не откроют им о Творении большего, чем они уже знают. И все же через свои старания люди узрят дивную механику Творения Яхве, увидят, как изобретательно устроен мир. Это мироустройство свидетельствует о деле рук Яхве – и оно же дело рук Яхве скрывает.

Так сыны человеческие будут знать отведенное им место.

Колени Хиллалы дрожали от благоговения, но он поднялся на ноги и пошел искать погонщиков каравана. Он вернется в Вавилон. Возможно, снова увидит Лугату. Он пошлет весточку тем, кто трудится на башне. Он расскажет им, как устроено мироздание.

Понимай[3 - Understand © Ted Chiang, 1991.© Перевод. М.Б. Левин, 2005.]

Толща льда. Я ощущаю лицом ее шероховатость, но не холод. Мне не за что держаться, перчатки с нее соскальзывают. Люди стоят наверху, бегают, суетятся, но сделать ничего не могут. Я пытаюсь пробить лед кулаками, но руки движутся как в замедленной съемке, а легкие будто взорвались, а голова идет кругом, я будто растворяюсь…

И просыпаюсь с криком. Сердце колотится, как отбойный молоток; я сажусь на край кровати, откинув одеяло.

Не помню, чтобы такое бывало раньше. Помню только, как падаю сквозь лед. Доктор говорит, что разум подавляет остальное. А сейчас сон вспоминается ясно, и такого жуткого кошмара никогда раньше не было.

Я хватаюсь за шерстяной шарф и чувствую, что дрожу. Я пытаюсь успокоиться, дышать помедленнее, но всхлипывания вырываются наружу. Так все было

реально, что я просто это ощущаю: ощущаю, каково это – умирать.

В воде я пробыл почти час, и когда меня вытащили, был просто растением. Восстановился ли я? Впервые больница испытала свое новое лекарство на человеке с такими обширными поражениями мозга. Помогло или нет?

Тот же кошмар, опять и опять. И после третьего раза я понял, что не засну. Оставшееся время до рассвета я только тревожился: это и есть результат? Я теряю рассудок?

Завтра еженедельная проверка у ординатора больницы. Даст бог, у него найдутся для меня ответы.

Я приезжаю в центр Бостона, и через полчаса д-р Хупер может меня принять. Я сижу на каталке в смотровой, за желтой ширмой. Из стены на высоте пояса выступает горизонтальный экран, настроенный на туннельное видение, так что под тем углом, что смотрю на него я, он пуст. Доктор щелкает по клавиатуре – очевидно, вызывает мою историю, – потом начинает меня осматривать. Пока он проверяет мне зрачки фонариком, я ему рассказываю о кошмарах.

– А до аварии они у вас бывали, Леон? – Он вынимает молоточек и стучит мне по локтям, коленям и лодыжкам.

– Никогда. Это побочный эффект лекарства?

– Нет, не побочный эффект. Терапия гормоном «К» восстановила массу поврежденных нейронов, а это колоссальное изменение, к которому ваш мозг должен приспособиться. Кошмары, очевидно, просто признак этого процесса.

– Они навсегда?

– Вряд ли, – отвечает он. – Как только ваш мозг снова привыкнет к наличию этих путей, все станет хорошо. Теперь, пожалуйста, коснитесь указательным пальцем носа, а потом моего пальца.

Я делаю, как он сказал. Потом он велит мне щелкнуть по большому пальцу каждым из оставшихся четырех, быстро. Потом мне приходится пройти по прямой, будто при проверке на трезвость. После этого доктор начинает меня допрашивать.

– Назовите части обыкновенного ботинка.

– Подошва, каблук, шнурки. Ага, дырочки для шнурков называются глазки, а еще есть язык, под шнурками…

– О’кей. Повторите число: три девять один семь четыре…

– …шесть два.

Этого доктор Хупер не ожидал:

– Что?

– Три девять один семь четыре шесть два. На первом осмотре вы назвали это число, когда я еще у вас лежал. Наверное, вы это число даете всем своим пациентам.

– Вы не должны были его запоминать: это тест на немедленную память.

– Я не нарочно. Просто так случилось, что я запомнил.

– А число, которое я называл вам на втором осмотре, вы помните?

Я на миг задумываюсь:

– Четыре ноль восемь один пять девять два.

Он удивлен.

– Мало кто способен удержать в голове столько цифр, услышав их один раз. Вы применяете какие-то мнемонические приемы?

Я качаю головой:

– Нет. А телефоны я всегда записываю в автодозвон.

Он подходит к терминалу и что-то набирает на цифровой клавиатуре.

– Попробуйте вот это. – Он читает четырнадцатизначное число, и я за ним повторяю.

– А в обратном порядке можете?

Я называю цифры в обратном порядке. Он хмурится и что-то начинает печатать в мою историю болезни.

Я сижу перед терминалом в испытательном зале психиатрического отделения – ближайшее место, где д-р Хупер имел возможность провести некоторые исследования рассудка. На стене зеркальце, за ним, наверное, видеокамера. На случай, если она ведет запись, я улыбаюсь и машу рукой. Всегда так делаю перед скрытыми камерами в банкоматах.

Возвращается д-р Хупер с распечаткой моих результатов.

– Что ж, Леон, вы… очень хорошо выступили. На обоих тестах попали в девяносто девятый процентиль.

У меня отвисает челюсть.

– Вы шутите!

– Нет. – Он, кажется, сам с трудом верит. – Это число не указывает, на сколько вопросов вы ответили правильно, оно значит, что по отношению ко всему населению…

– Это я знаю, – отвечаю я, думая о другом. – Когда нас в школе тестировали, я попал в процентиль семнадцать.

Процентиль девяносто девять. Я пытаюсь внутренне найти какие-то признаки этого. Какое должно быть ощущение?

Он садится на стол, не отрываясь от распечатки.

– Вы ведь в колледже никогда не учились?

Я прерываю размышления и возвращаюсь к нему.

– Учился, но не окончил. У нас с преподавателями были разные представления об образовании.

– Понимаю. – Очевидно, он решил, что меня выгнали. – Ну что ж, ясно одно: вы невероятно с тех пор изменились. Что-то здесь может быть по естественным причинам, потому что вы повзрослели, но основное, должно быть, – лечение гормоном «К».

– Чертовски сильный побочный эффект!

– Ну, не особо радуйтесь. Результаты тестов не предсказывают, насколько успешно вы будете действовать в реальном мире. – Я поднимаю глаза, но д-р Хупер в них не смотрит. Происходит такое изумительное событие, а все, что он может сказать, – это общее место. – Я бы хотел провести еще несколько тестов. Вы можете завтра приехать?

Я погружен в ретуширование голограммы, и тут звонит телефон. Я мечусь между телефоном и консолью, но наконец выбираю телефон. Обычно когда я занят редактированием, то предоставляю снимать трубку автоответчику, но я должен дать людям знать, что снова работаю. Кучу работы я упустил, пока был в больнице, – риск, связанный с положением свободного художника. Я нажимаю кнопку:

– «Греко голографикс», у телефона Леон Греко.

– Привет, Леон, это Джерри.

– Здравствуй, Джерри. Что стряслось?

Я все еще рассматриваю изображение на экране: пара спиральных шестерен, переплетенная. Избитая метафора совместных усилий, но ее потребовал для своей рекламы заказчик.

– Не хочешь сегодня вечером пойти в кино? Мы со Сью и Тори собрались на «Металлические глаза».

– Сегодня? Нет, не могу. Сегодня последний моноспектакль в «Ханнинг плейхауз».

Поверхности зубьев у шестеренок поцарапаны и маслянисто блестят. Я выделяю каждую поверхность курсором, ввожу поправки к параметрам.

– А что за шоу?

– Называется «Симплектик». Монолог в стихах. – Я регулирую освещение, убирая немного тени с сетки зубьев. – Хочешь со мной?

– Это что-то вроде шекспировских монологов?

Слишком перестарался: при таком освещении внешние края чересчур яркие. Я указываю верхнюю границу для яркости отраженного света.

– Нет, пьеса типа «поток сознания», и там сменяются четыре стихотворных размера; ямб только один из них. Все критики называют ее большой удачей.

– Я и не знал, что ты такой фэн поэзии.

Я еще раз проверил все числа и запустил компьютер на расчет узора интерференции.

– Вообще-то нет, но этот спектакль обещает быть очень интересным. А тебе как?

– Спасибо, я лучше все-таки в кино.

– Ладно, развлекитесь, ребята. Может, на следующей неделе куда-нибудь вместе сходим.

Мы прощаемся и вешаем трубки, а я жду окончания расчета.

Вдруг до меня доходит, что случилось. Никогда раньше я не мог редактировать во время телефонного разговора. А на этот раз мне не стоило труда держать в голове и то и другое.

Неужто эти сюрпризы не кончатся? Как только меня оставили кошмары и я вздохнул с облегчением, первое, что я заметил, – возросшую скорость чтения и восприятия. Я смог наконец-то прочитать все книги у себя на полке, которые собирался, но времени не было, и даже более сложный, технический материал. В колледже я смирился с фактом, что не могу выучить все, что меня интересует. И мысль, что, быть может, все-таки могу, наполнила меня восторгом. И с этим же восторгом я на следующий день купил охапку новых книг.

А сейчас я обнаружил, что способен держать в голове сразу два дела, чего никогда не подумал бы о себе. Я вскочил из-за стола и заорал так, будто моя любимая бейсбольная команда только что сыграла двойной дабл-плей. Такое было ощущение.

Моим случаем занялся главный невролог д-р Ши – наверное, потому, что хочет присвоить себе заслугу. Я его едва знаю, но ведет он себя так, будто я уже многие годы у него лечусь.

Он меня пригласил к себе в офис поговорить. Переплетя пальцы, он кладет локти на стол.

– Как вы относитесь к росту своего интеллекта? – спрашивает он.

До чего бессодержательный вопрос!

– Я этим очень доволен.

– Отлично, – говорит д-р Ши. – Пока что мы не обнаружили неблагоприятных эффектов лечения гормоном «К». Вам дальнейшее лечение от мозговой травмы уже не нужно. – Я киваю. – Но мы проводим исследования, касающиеся влияния гормона на интеллект. Если вы согласны, мы были бы рады сделать вам еще одну инъекцию гормона и отследить результаты.

Он неожиданно привлек к себе мое внимание: наконец-то что-то такое, что стоит слушать.

– Я был бы не против.

– Вы понимаете, что это будет сделано чисто в исследовательских, а не лечебных целях? Может быть, вы выиграете от этого дальнейшее повышение интеллекта, но с медицинской точки зрения это не является необходимым для вашего здоровья.

– Я понимаю. Наверное, я должен подписать бумагу, что я согласен?

– Да. Мы можем вам также предложить оплату за участие в исследовании.

Он называет цифру, но я едва слушаю.

– Меня устроит. – Я представляю себе, куда это может повести, что может для меня значить, и меня охватывает дрожь восторга.

– Мы бы хотели также, чтобы вы подписали соглашение о конфиденциальности. Очевидно, что это лекарство наделает колоссального шуму, но мы не хотим преждевременных анонсов.

– Само собой, д-р Ши. Кто-нибудь уже получал дополнительные инъекции?

– Разумеется, да. Вы не будете морской свинкой. Могу вас заверить, что никаких вредных побочных эффектов не было.

– А какого рода эффекты были?

– Нам бы не хотелось внушать вам предположения: вы можете вообразить, что испытываете симптомы, которые я назову.

Ши превосходно умеет вести беседы типа «доктору лучше знать». Я продолжаю настаивать:

– Не можете ли вы мне хотя бы сказать, насколько увеличился у них интеллект?

– У разных лиц по-разному. Не следует основывать свои ожидания на том, что было у других.

Я проглатываю неудовлетворенность.

– Хорошо, доктор.

Если Ши не хочет мне рассказывать о гормоне «К», я могу сам о нем узнать. С домашнего терминала я вхожу в дейтанет, обращаюсь к общедоступной базе данных Федеральной Службы Испытания Лекарств и начинаю гонять их рабочую программу ИНЛ – поиск лекарств, поданных к утверждению для испытаний на людях.

Заявка на испытания гормона «К» была подана «Соренсен фармасьютикал» – компанией, которая исследует синтетические гормоны, способствующие регенерации нейронов центральной нервной системы. Я пропускаю результаты испытаний на подвергавшихся кислородному голоданию собаках, а также на обезьянах: все животные полностью выздоровели. Токсичность препарата низкая, долговременные наблюдения не выявили никаких отрицательных эффектов.

Результаты исследования образцов коры мозга вызывали волнующий интерес. У животных с повреждениями мозга вырастали замещающие нейроны с намного большим числом дендритов, но здоровые реципиенты гормона «К» никаких изменений не проявляли. Заключение: гормон «К» вызывает замену лишь поврежденных нейронов, а не здоровых. У животных с повреждением мозга новые дендриты казались совершенно безобидными: ПЭТ[4 - Позитронно-эмиссионная томография.] не выявляла никаких изменений в метаболизме мозга,

а результаты тестов поведения и интеллекта животных оставались неизменными.

В заявке на проведение клинических исследований на людях ученые из «Соренсена» предложили протоколы для испытания лекарства сперва на здоровых подопытных, а потом на пациентах нескольких видов: перенесших инсульт, страдающих болезнью Альцгеймера, а также на лицах вроде меня, страдающих стойким отсутствием высшей нервной деятельности. Получить доступ к отчетам по этим испытаниям мне не удалось: даже при условии анонимности пациентов допуск к этим записям имеют только врачи – участники испытаний.

Исследования на животных никакого света на рост интеллекта у людей не проливают. Разумно допустить, что воздействие на интеллект пропорционально числу нейронов, замещенных под действием гормона, что зависит, в свою очередь, от размеров начального поражения. То есть пациенты в глубокой коме покажут наилучшие достижения. Конечно, для подтверждения этой теории мне необходимо видеть развитие событий у других пациентов, но это может подождать.

Следующий вопрос: существует ли плато насыщения или дополнительные дозы гормонов вызовут дальнейший рост результатов? Ответ на этот вопрос я узнаю раньше врачей.

* * *

Я ни капли не нервничаю. Честно говоря, я абсолютно спокоен, просто лежу на животе и дышу очень медленно. Спина онемела – мне сделали местную анестезию, а потом ввели гормон «К» в спинномозговой канал. Внутривенное введение не годится, поскольку гормон не проходит через гемато-энцефальный барьер. Это первая такая инъекция, которую я помню, хотя мне говорили, что уже делали две: одну – пока я был еще в коме, а вторую – когда пришел в сознание, но еще ничего не воспринимал.

Опять кошмары. Не очень страшные, но настолько странные, настолько поражают мозг, что я ничего в них не узнаю. Часто просыпаюсь с криком,

размахивая руками в кровати. Но на этот раз я знаю, что все пройдет.

Теперь меня в больнице изучают несколько психологов. Интересно смотреть, как они анализируют мой интеллект. Один врач оценивает мои способности по составляющим, таким как приобретение знания, запоминание, активное применение запомненного и перенос его в другую область. Другой рассматривает мои способности в математических и логических рассуждениях, языковом общении и пространственном представлении.

Мне вспоминается учеба в колледже: там преподаватели тоже носились каждый со своей любимой теорией, подгоняя под нее факты. Сейчас врачи убеждают меня даже меньше, чем преподаватели в те времена: им нечему меня научить. Ни одна из их систем не помогает в анализе моих действий, поскольку у меня – нет смысла отрицать – все получается одинаково хорошо.

Если я изучаю новый класс уравнений, или грамматику иностранного языка, или работу машины – все складывается в образ, все элементы дополняют друг друга. И в каждом случае мне нет смысла запоминать правила и потом механически их применять. Нет, я воспринимаю сразу работу системы как целое, как сущность. Конечно, я вижу все подробности и каждый отдельный шаг, но на это уходит так мало усилий, что они почти что ощущаются интуиивно.

Пробивать систему защиты компьютера – дело весьма скучное. Я могу себе представить, как такая работа привлекает тех, кто не может не принять вызов своему уму, но ничего интеллектуально эстетического в ней нет. Это – как дергать подряд двери запертого дома, пока не найдешь дефектный замок. Полезные действия, но вряд ли интересные.

Попасть в закрытую базу ФСИЛ проще простого. Я повозился со стенным терминалом в коридоре больницы, запустив программу для посетителей, которая показывает планы зданий и где кого найти. Потом выломился из этой программы на системный уровень и написал программу-фальшивку, имитирующую экран запроса пароля при входе. А потом я просто отошел от терминала, и наконец кто-то из моих врачей подошел проверить какой-то свой файл. Моя фальшивка отказала в доступе по паролю и вывела истинный экран входа в систему. Докторша снова ввела свое имя и пароль, на этот раз успешно,

но ее пароль уже был в моей фальшивке.

По учетной записи этой докторши я получил доступ к базе данных историй болезни ФСИЛ. В испытаниях первой фазы – на здоровых добровольцах – гормон эффекта не дал. А вот идущая сейчас вторая фаза – это совсем другое дело. Вот еженедельные отчеты по восьмидесяти двум пациентам. Каждый обозначен своим кодовым номером, все получали лечение гормоном «К»; в основном это те, кто перенес инсульт или страдает болезнью Альцгеймера; еще несколько коматозников. Последние отчеты подтвердили мою гипотезу: у больных с наиболее обширными повреждениями отмечалось наибольшее увеличение интеллекта. ПЭТ подтверждает усиленный метаболизм мозговой ткани.

Почему же исследования на животных не дали прецедента? Я думаю, здесь по аналогии можно вспомнить понятие критической массы. У животных число синапсов ниже некоего критического порога; мозг их способен лишь к зачаткам абстракции, и дополнительные синапсы ему ничего не дают. Люди этот критический порог превышают. Их мозг поддерживает полное самосознание, и – как показывают эти отчеты – они используют новые синапсы на полную мощность.

Наибольший интерес вызывают записи о новых начавшихся исследованиях на нескольких добровольцах. Действительно, дополнительные инъекции гормона еще увеличивают интеллект, но снова в зависимости от исходных повреждений. Пациенты с микроинсультами даже не доросли до уровня гениев. Пациенты с обширными повреждениями ушли гораздо дальше.

Из пациентов, в начале лечения находящихся в глубокой коме, я – единственный пока что, получивший третью инъекцию. У меня больше новых синапсов, чем у кого-либо из моих предшественников по изучению, и насколько может повыситься у меня интеллект – вопрос открытый. При этой мысли у меня сильнее бьется сердце.

Идет неделя за неделей, и мне все скучней становятся игры с врачами. Они со мной обращаются, будто я просто какой-то весьма эрудированный идиот: пациент, проявляющий признаки высокого интеллекта, но все равно не более чем пациент. Для неврологов я только источник скенограмм ПЭТ и некоторое хранилище спинномозговой жидкости. Психологи имеют возможность кое о чем

догадаться относительно моего мышления по беседам со мной, но не в состоянии избавиться от предвзятого представления обо мне как о человеке, ухватившем кусок не по зубам: обычный человек, который не может оценить свалившийся на него дар.

На самом деле это врачи не могут оценить, что происходит. Они уверены, что способность человека действовать в реальном мире не может быть повышена лекарством, а мои способности существуют лишь по искусственной мерке тестов интеллекта; значит, они зря тратят свое время. Но эта мерка не только не естественна: она еще и слишком коротка – мои постоянно идеальные оценки по тестам ничего врачам не говорят, поскольку на столь далеком участке гауссовой кривой сравнивать уже не с чем.

Конечно, результаты тестов улавливают лишь тень того, что происходит на самом деле. Если бы врачи только могли посмотреть, что делается у меня в голове, сколько я сейчас улавливаю того, что раньше пропускал, сколько применений могу найти для этой информации. Мой интеллект – совсем не лабораторный феномен, он практичен и действенен. С моей почти абсолютной памятью и способностью сопоставлять я оцениваю любую ситуацию немедленно и выбираю способ действий, оптимальный для меня; нерешительности я не знаю. Только теоретические вопросы могут составить трудность.

Что бы я ни изучал, я вижу всю систему. Я вижу гештальт, мелодию в нотах, во всем: в математике и науках о природе, в живописи и музыке, в психологии и социологии. Читая тексты, я вижу только, как авторы топают от точки к точке, нашаривая ощупью связи, которых не в состоянии выявить. Они как толпа, не умеющая читать ноты, которая пялится на партитуру сонаты Баха, пытаясь объяснить, как ноты вытекают друг из друга.

Как ни прекрасны эти картины, они лишь разжигают мой аппетит. Другие узоры ждут, чтобы я их увидел, и масштаб их куда больше. По отношению к ним я сам слеп, и все мои сонаты по сравнению с ними – всего лишь изолированные обрывки данных. Я понятия не имею, какие формы может принимать подобный гештальт, но в будущем такое понимание придет, и я хочу их найти и воспринять. Хочу так, как никогда ничего не хотел.

Приезжего доктора зовут Клозен, и он ведет себя не так, как другие. Судя по манере, он привык в общении с пациентами носить маску вкрадчивой вежливости, но сегодня он немного не в своей тарелке. Он старается напустить на себя дружелюбный вид, однако в производстве уверенного словесного шума несколько уступает другим врачам.

– Этот тест происходит так, Леон: вы будете читать описания разных ситуаций, в каждой из которых заключена проблема. И после каждого описания вы мне расскажете, как бы вы эту проблему решали.

– Я такие тесты уже проходил, – киваю я.

– Вот и хорошо, вот и славно.

Он вводит команду, и экран передо мной заполняется текстом. Я читаю сценарий: проблема планирования и выбора приоритетов. Реалистичная, что необычно: по мнению большинства исследователей, оценки таких тестов получаются слишком произвольными. Я несколько выжидаю с ответом, и все равно Клозен удивлен быстротой моей реакции.

– Очень хорошо, Леон. – Он нажимает клавишу. – Попробуйте вот эту.

Он продолжает давать мне сценарии. Когда я читаю четвертый, Клозен очень старается демонстрировать лишь профессиональное безразличие. Мой ответ сейчас представляет для него особый интерес, но он не хочет, чтобы мне это было известно. В сценарии задействованы офисные интриги и суровая конкуренция за продвижение по службе.

Я соображаю, кто такой Клозен: он психолог государственной конторы, военный, скорее всего сотрудник отдела исследований и разработок ЦРУ. Тест предназначен для оценки потенциала гормона «К» в разработке стратегий. Вот почему доктору сейчас неловко со мной: он привык иметь дело с солдатами и госслужащими, чья работа – повиноваться приказам.

Вероятно, ЦРУ захочет меня придержать как объект для последующих тестов. Быть может, они так поступили уже и с другими пациентами, если те показали хорошие результаты. Потом они выделят добровольцев из своих рядов, устроят им кислородное голодание мозгов и полечат гормоном «К». Я, разумеется, не

хочу становиться ценным сотрудником ЦРУ, но уже показал достаточно, чтобы вызвать у них интерес. Лучшее, что я могу сделать, – скрыть свое искусство и на этот вопрос ответить неверно.

Я предлагаю неудачный способ действий, и Клозен разочарован. Тем не менее мы продолжаем. Я теперь думаю над сценариями дольше, ответы даю более слабые. Среди безобидных вопросов рассыпаны опасные: один – об избежании поглощения враждебной корпорацией, другой – о мобилизации населения на борьбу со строительством угольной электростанции. Я на каждый даю неверный ответ.

Завершив тестирование, Клозен меня отпускает – он уже пытается сформулировать рекомендации. Если бы я показал истинные способности, ЦРУ завербовало бы меня немедленно. Неровное мое выступление пригасит тамошний энтузиазм, но не изменит намерений: слишком велики для ведомства потенциальные выгоды, чтобы забыть о гормоне «К».

Мое положение фундаментально переменилось: если ЦРУ захочет придержать меня как объект тестирования, мое согласие будет совершенно не обязательным. Надо подготовиться.

Разговор произошел четыре дня спустя и застал Ши врасплох.

– Вы хотите выйти из исследования?

– Да, и немедленно. Я хочу вернуться к работе.

– Если это вопрос оплаты, мы могли бы…

– Нет, деньги не проблема. Просто с меня достаточно этих тестов.

– Я понимаю, что после некоторого времени тесты начинают утомлять, но мы так много из них узнаем… и мы ценим ваше участие, Леон. Дело не просто в том…

– Я знаю, как много вы узнаете из тестов. И все же я решил: я больше не хочу.

Ши пытается что-то сказать, но я перебиваю:

– Я знаю, что связан соглашением о конфиденциальности. Если вы хотите, чтобы я что-нибудь по этому поводу подписал, присылайте. – Я встаю и иду к двери. – До свидания, доктор Ши.

* * *

Он звонит через два дня.

– Леон, вам необходимо приехать на осмотр. Мне только что сообщили: в другой клинике обнаружили неприятные побочные эффекты лечения гормоном «К».

Он лжет: по телефону он бы ни за что этого не сказал.

– И какого рода эффекты?

– Потеря зрения. Бурный рост зрительного нерва и последующее его разрушение.

Наверняка это заказало ЦРУ, узнав, что я выхожу из испытаний. Стоит мне вернуться в больницу, Ши объявит меня умственно несостоятельным и госпитализирует принудительно. А потом меня переведут в государственный научно-исследовательский институт.

Я изображаю тревогу:

– Выезжаю немедленно.

– Ну и хорошо. – Ши доволен, что его представление оказалось убедительным. – Мы вас осмотрим сразу, как приедете.

Я вешаю трубку и поворачиваюсь к своему терминалу – проверить последнюю информацию в базе данных ФСИЛ. Ни о каких побочных эффектах не упоминается – ни на зрительном нерве, ни где-нибудь еще. Я не отбрасываю возможности, что в будущем такие эффекты могут проявиться, но тогда я сам их

обнаружу.

Пора уезжать из Бостона, и я начинаю собирать вещи. Уходя, снимаю все со счета в банке. Если продать аппаратуру моей студии, я получил бы больше денег, но все это громоздкое, не вывезти. Я забираю только несколько мелких вещичек. Где-то через два часа телефон звонит снова: Ши интересуется, где я. На этот раз я жду, чтобы сработал автоответчик.

– Леон, вы слышите меня? Это доктор Ши. Мы вас уже довольно давно ждем.

Он попытается позвонить еще раз, а потом пошлет санитаров в белых халатах, а то и полицию, чтобы меня забрать.

* * *

В семь тридцать вечера Ши еще сидит в больнице, ожидая новостей обо мне. Я поворачиваю ключ зажигания и выезжаю с парковки через улицу от больницы. Сейчас он в любой момент может заметить конверт, который я подсунул под дверь его кабинета. Как только он его откроет, сразу сообразит, что письмо от меня.

Привет, доктор Ши!

Я так понимаю, что вы меня ищете.

Минута удивления, но не больше: он тут же возьмет себя в руки и предупредит охрану, чтобы искала меня в здании и проверяла все отъезжающие машины. И станет читать дальше:

Вы можете отозвать тех мордоворотов-санитаров, что ждут у моей квартиры, – я не хочу зря тратить их драгоценное время. Наверное, вы решительно настроены получить на меня полицейский ордер на розыск, и потому я взял на себя смелость ввести в центральный компьютер полиции вирус, который будет

подменять информацию в ответ на запросы по номеру моей машины. Конечно, вы можете дать описание автомобиля, но ведь вы же даже не знаете, как он выглядит.

Леон.

Он позвонит в полицию, чтобы тамошние программисты занялись этим вирусом. Он заключит, что у меня комплекс неполноценности – судя по наглому тону записки, ненужному риску возвращения в больницу, чтобы ее доставить, и бессмысленному сообщению о вирусе, который иначе мог бы пройти незамеченным.

И будет не прав. Эти действия были предприняты, чтобы вызвать недооценку моих возможностей полицией и ЦРУ – тогда я могу твердо надеяться, что они не примут адекватных мер. Вычистив мой вирус из центрального компьютера, тамошние программисты оценят мою программистскую квалификацию как хорошую, но не выдающуюся, и загрузят резервные копии, чтобы восстановить мой номер машины. Это действие включит второй вирус, гораздо более тонкий, который модифицирует и резервные копии, и активную базу данных. Полиция будет довольна, зная, что номер у нее записан верно, и станет азартно гоняться за призраком.

Следующая моя цель – раздобыть новую ампулу гормона «К». К сожалению, при этом ЦРУ получит возможность точно оценить мои истинные способности. Если бы я не послал записку, полицейские обнаружили бы мой вирус позже, когда уже ввели бы сверхжесткие предосторожности при его искоренении. А тогда я бы не смог убрать номер своей машины из всех файлов полиции.

Сейчас я остановился в ближайшем мотеле и работаю над дейтанетовским терминалом у себя в номере.

Закрытую базу данных ФСИЛ я взломал и увидел адреса пациентов, получающих гормон «К», а заодно просмотрел внутренние переговоры ФСИЛ. На гормон «К» наложен клинический запрет, и до его снятия – никаких дальнейших испытаний. ЦРУ требует, чтобы сначала изловили меня и оценили потенциал исходящей от меня угрозы.

ФСИЛ попросила все больницы вернуть оставшиеся ампулы с курьером. Я должен заполучить ампулу раньше, чем это случится. Ближайший пациент – в Питсбурге; я заказываю себе билет на ранний утренний рейс. Потом смотрю карту Питсбурга и заказываю у компании «Пенсильвания курьер» грузовичок-пикап на одиннадцать часов утра на адрес инвестиционной компании в деловой части города. И наконец подписываюсь на несколько часов времени суперкомпьютера.

Арендованный автомобиль я оставляю за углом небоскреба в Питсбурге; в кармане пиджака у меня лежит небольшая схемная плата с клавиатурой. Я гляжу вдоль улицы туда, откуда должен появиться курьер. У половины пешеходов носы и рты закрыты белыми респираторами, но видимость хорошая.

Вот он появляется за два перекрестка от меня – домашний фургон с надписью «Пенсильвания курьер» на боку. Не машина с усиленной безопасностью – ФСИЛ меня не опасается. Я вылезаю из машины и иду к небоскребу. Вскоре появляется фургон. Паркуется. Из него выходит водитель. Как только он заходит в здание, я сажусь в его машину.

Она только что из больницы. Водитель на пути на сороковой этаж, он должен забрать там пакет из инвестиционной компании. Как минимум четыре минуты его не будет.

К полу фургона приварен большой металлический ящик с усиленными стенами и дверью. На двери – полированная пластина; ящик открывается, когда водитель прикладывает к ней ладонь. И еще у пластины сбоку порт данных, через который она программируется.

Я вчера вечером проник в служебную базу данных «Лукас секьюрити системз» – компании, которая продает такие замки фирме «Пенсильвания курьер». Там я нашел зашифрованный файл с кодами отпирания замков.

Должен признать, что, хотя взлом систем безопасности компьютера так и остался неэстетичным, некоторые аспекты этой работы косвенно связаны с весьма интересными проблемами математики. Например, для взлома обычно используемых методов шифрования стандартным путем потребовались бы годы

суперкомпьютерного времени. Но я в своих набегах на теорию чисел нашел прекрасный способ разложения очень больших чисел на множители. С применением этого способа суперкомпьютер взламывает такую схему шифрования за несколько часов.

Я вытаскиваю из кармана плату и подключаю ее с помощью кабеля к порту данных, потом ввожу двенадцатизначное число, и дверца распахивается.

Когда я возвращаюсь с ампулой в Бостон, ФСИЛ уже отреагировала на кражу, убрав все существенные файлы со всех компьютеров, к которым есть доступ из сети дейтанет. Как и ожидалось.

Собрав свои пожитки, я с ампулой еду в Нью-Йорк.

Оказывается, быстрее всего я могу добыть деньги, как это ни странно, в игре. Бега с гандикапом для меня достаточно просты. Не привлекая ненужного внимания, я накапливаю умеренную сумму, а потом живу за счет вложений на рынке акций.

Остановился я в самом дешевом номере с доступом в дейтанет, который удалось найти вблизи Нью-Йорка. Инвестиции я делаю под несколькими вымышленными именами и меняю эти имена регулярно. Некоторое время я провожу на Уолл-стрит и потому улавливаю краткосрочные высокоприбыльные возможности по языку жестов брокеров. Но появляюсь я там не чаще раза в неделю – есть более важные дела, есть гештальты, влекущие мое внимание.

У меня развивается разум и одновременно с ним – контроль над телом. Гипотеза, что в процессе эволюции люди пожертвовали физическими способностями в обмен на разум, ошибочна: управление телом – деятельность разума. Сила у меня не увеличилась, но координация стала куда выше средней, и я даже стал одинаково владеть обеими руками. Более того, моя способность к сосредоточению сделала биологическую обратную связь весьма эффективной. После очень небольших тренировок я научился учащать или разрежать сердцебиение, снижать и повышать кровяное давление.

Я пишу программу, выполняющую распознавание моего лица на фотографиях и выискивающую появление моего имени, а потом закладываю ее в вирус для просмотра всех общедоступных файлов в дейтанет. ЦРУ даст в национальных новостях мой портрет и опишет меня как опасного сбежавшего психа, даже убийцу, быть может. Вирус заменит мою фотографию видеопомехами. Такой же вирус я запускаю в компьютеры ФСИЛ и ЦРУ – искать мои фотографии в любой передаче, направленной в местную полицию. Эти вирусы выдержат все, что смогут напустить на них тамошние программисты.

Несомненно, Ши и его команда сейчас консультируются с психологами в ЦРУ, гадая, куда я мог деться. Родители мои умерли, так что ЦРУ станет искать среди моих друзей, спрашивать, не выходил ли я на контакт, и будет держать их под наблюдением на случай, если выйду. Достойное сожаления вмешательство в частную жизнь, но не первоочередное для меня дело.

Вряд ли ЦРУ станет обрабатывать своих агентов гормоном «К», чтобы меня найти. Как показал мой пример, сверхразумным человеком слишком трудно управлять. Все же я буду следить за прочими пациентами – на случай, если правительство решит их завербовать.

Картины будней общества открываются мне без усилий с моей стороны. Я иду по улице, гляжу на спешащих по своим делам людей, и, хотя они не говорят ни слова, подтекст очевиден. Проходит молодая пара, обожание одного отскакивает от терпимости другой. Мелькает, а потом становится ясно ощутимым опасение у бизнесмена, который боится, как бы начальник ему потом не выдал за преждевременный уход с работы. Идет женщина в мантии деланой утонченности, но эта мантия соскальзывает при встрече с реальностью.

Как всегда, роли, которые играет человек, узнаваемы лишь для более взрослого. Для меня эти люди – как дети на игровой площадке; меня забавляет их серьезность, раздражают воспоминания о том, как я занимался тем же самым. Для них их действия естественны, но я уже не могу в этом участвовать; я взрослый, я оставил детские игры. Мир нормальных людей для меня лишь средство существования.

Каждую неделю я приобретаю годы образования, воспринимая все более масштабные картины. Я вижу гобелен людского знания в такой широкой перспективе, с которой еще никто никогда не смотрел; я могу заполнить пробелы там, где ученые никогда их не замечали, могу обогатить текстуру там, где они считали ее полной.

Самый четкий узор – у естественных наук. Прекрасно единство физики не только на уровне фундаментальных явлений, но и при рассмотрении ее расширений и следствий. Такие понятия, как «оптика» или «термодинамика», – всего лишь шоры, которые не дают физикам увидеть бессчетные пересечения. Не говоря уже об эстетическом впечатлении, даже упущенным практическим применениям имя легион. Уже много лет назад инженеры могли бы генерировать сферически симметричные гравитационные поля.

Но, зная это, я все равно не стану собирать такое устройство, и никакое другое не стану. Для него понадобилось бы много сделанных на заказ компонентов, все достаточно трудные в изготовлении и требующие немалых временных затрат. А главное – создание такого устройства не доставило бы мне особого удовольствия, поскольку я и так знаю, что оно будет работать, а никаких новых гештальтов оно не высветит.

Я пишу в порядке эксперимента поэму. Написав первую песнь, я смогу выбирать подход к объединению образов в пределах всех искусств. Я пользуюсь шестью современными и четырьмя древними языками; они включают в себя большинство главных мировоззрений человеческой цивилизации. Каждый дает мне новые оттенки значений и поэтические эффекты, некоторые сопоставления оказываются поразительными. Каждая строка поэмы содержит неологизмы, порожденные продавливанием слов через сито чужого языка. Если бы я закончил произведение, получилось бы что-то вроде «Следа Финнегана», умноженного на «Песни» Паунда.

Мою работу прерывает ЦРУ; оно ставит на меня капкан. После двух месяцев попыток тамошние специалисты признали, что обычными методами им меня не найти, и приняли более решительные меры. В новостях сообщили, что подружка некоего маньяка-убийцы арестована по обвинению в помощи и содействии его побегу. Имя ее – Конни Перритт, девушка, с которой я встречался в прошлом

году. Если дело дойдет до суда, она получит немалый срок. ЦРУ надеется, что я этого не допущу. Оно ждет от меня маневра, который заставит меня выйти на свет, тут-то меня и поймают.

Предварительные слушания по делу Конни завтра. ЦРУ добьется, чтобы ее выпустили под залог, может быть, с поручителем, если надо будет – это даст мне возможность с ней связаться. Все окрестности ее квартиры они напичкают агентами в штатском, которые будут меня ждать.

Я начинаю редактировать первый экранный образ. Эти цифровые фотографии – грубая подделка под голограммы, но для моей цели они годятся. На сделанных вчера снимках – окрестности дома Конни, улица перед ним и ближайший перекресток. Я вожу курсором по экрану, проводя перекрестием над определенными местами снимков. Окно в доме наискосок через улицу: свет выключен, но занавеска отодвинута. Уличный разносчик за два квартала позади дома.

Всего я отмечаю шесть точек – где вчера ждали агенты ЦРУ, когда Конни вернулась к себе. Просмотрев мои видеопортреты, сделанные в больнице, они знали, что искать у всех прохожих мужского или сомнительного пола: уверенная, ровная походка. Эти ожидания их и подвели: я просто сделал шире шаг, покачивал головой вверх-вниз, не так резко размахивал руками. Это и еще несколько нетипичная одежда вполне отвело им глаза, когда я вошел в зону наблюдения.

Внизу фотографии я печатаю частоту, на которой переговариваются агенты, и формулу, описывающую используемый ими алгоритм шифрования. Закончив, я передаю изображения директору ЦРУ. Смысл ясен: я могу убить ваших агентов в любой момент, если их не уберут.

Но чтобы они сняли обвинения с Конни и чтобы ЦРУ меня больше не отвлекало, придется еще поработать.

Снова задача выделения закономерности, на этот раз – весьма обыденная. Тысячи страниц рапортов, докладных записок, писем – каждая как цветовая точка на картине пуантилиста. Я отступаю от этой панорамы, смотрю на линии и

грани, создавая всплывающий образ. Мегабайты, которые я сканирую, – всего лишь доля всех записей за изучаемый период, но их хватит.

То, что я нашел, довольно ординарно, куда проще сюжета шпионского романа. Директор ЦРУ был в курсе плана группы террористов взорвать метро в Вашингтоне. Он допустил взрыв, чтобы получить согласие конгресса на крайние меры против этой группы. Среди жертв оказался сын одного конгрессмена, и директор ЦРУ получил полную свободу действий против террористов. Хотя его планы не прописаны прямо в файлах ЦРУ, они совершенно ясны. В соответствующих записках делаются только осторожные намеки, и эти записки тонут в море невинных документов. Если бы какая-нибудь комиссия по расследованию должна была прочесть все эти записи, улики потонули бы в море хаоса. Но вытяжка из нужных записок прессу убедит.

Я посылаю список документов директору ЦРУ с примечанием: «Не трогайте меня, и я не трону вас». Он поймет, что выбора у него нет.

Этот маленький эпизод укрепил мое мнение о делах мира. Я мог бы вскрыть тайные интриги где бы то ни было, если бы был в курсе текущих событий, но все это неинтересно. Я возобновляю свои занятия.

Контроль над телом усиливается. Я бы сейчас мог пройти по горящим углям или втыкать себе иглы в руку, если б захотел. Но мой интерес к восточной медитации ограничен ее применениями к физическому контролю. Никакой медитативный транс для меня не столь желанен, как то состояние, когда я составляю гештальт из стихийных данных.

Я создаю новый язык. В обычных языках я ограничен рамками, и они не дают мне двигаться дальше. Им не хватает силы для выражения нужных мне концепций, и даже в своей родной области они неточны и неуклюжи. Еле-еле они годятся для речи, что уж там говорить о мысли.

Существующая лингвистическая теория бесполезна: мне придется переоценить заново основы логики, чтобы определить подходящие атомарные компоненты для моего языка. Этот язык будет поддерживать диалект, обладающий выразительной способностью всей математики, так что любое написанное мною

уравнение будет иметь лингвистический эквивалент. Но математика станет всего лишь малой частью этого языка, а не целым: я в отличие от Лейбница осознаю пределы символической логики. Другие диалекты будут предназначены для моих обозначений в эстетике и теории познания. Проект займет немало времени, но конечный результат невероятно прояснит мои мысли. Когда я переведу на этот язык все, что знаю, картины, которые я ищу, проявятся сами собой.

Я прерываю работу. До того как составить систему эстетических обозначений, надо определить словарь всех эмоций, которые я могу себе представить.

Мне знакомы многие эмоции, помимо эмоций обычных людей, и я вижу, насколько ограничен их эмоциональный диапазон. Я не отрицаю действенности любви и тревожного страха, которые когда-то испытывал, но вижу теперь их такими, как они есть: как увлечения и огорчения детства, они лишь предвестники того, что испытываю я сейчас. Мои страсти стали более многогранными: растет мое знание самого себя, и эмоции усложняются экспоненциально. Я должен уметь дать их полное описание, если собираюсь хотя бы приступить к ожидающей меня работе.

Конечно, на самом деле я испытываю куда меньше эмоций, чем мог бы: мой интеллект ограничен теми, кто меня окружает, и скудным взаимодействием, которое я себе разрешаю с ними иметь. Мне вспоминается конфуцианское понятие «рен»: это качество, неадекватно переводимое как «благожелательность», является квинтэссенциально человеческим, и его можно взрастить только взаимодействием с окружающими, одинокому его проявления недоступны. А вот я, а вокруг люди, повсюду люди, но ни одного, с кем взаимодействовать. Я – лишь доля того, чем может стать личность с моим интеллектом.

Я не обманываю себя ни жалостью к себе, ни тщеславием: я могу оценить свое психологическое состояние крайне объективно и последовательно. Я точно знаю, какие у меня есть эмоциональные ресурсы и каких нет и насколько я ценю каждый из них. Я ни о чем не сожалею.

Мой язык обретает форму. Он предназначен для гештальта – гештальт он представляет весьма удобно для мысли, но бесполезно для речи или письма. Его не переписать в виде линейно расположенных слов, разве что в виде огромной идеограммы, которую надо воспринимать как целое. Такая идеограмма может яснее картинки передать то, что не скажет тысяча слов. Изощренность каждой идеограммы была бы соизмерима с объемом содержащейся информации. Я развлекаюсь мыслью о колоссальной идеограмме, передающей всю вселенную.

Печатная страница для такого языка слишком неуклюжа и статична – единственным пригодным средством была бы голограмма, воспроизводящая графический образ, меняющийся во времени. Говорить на этом языке в принципе невозможно, учитывая ограниченную полосу частот человеческой гортани.

У меня в голове кипят ругательства древних и современных языков, они дразнят меня своей грубостью, напоминая, что мой идеальный язык содержал бы термины достаточно ядовитые, чтобы выразить мою теперешнюю досаду.

Мне не удается завершить этот искусственный язык – проект слишком масштабен для моих теперешних средств. Недели сосредоточенных усилий ничего полезного не дали. Я пытался писать самостоятельно, используя уже разработанные рудименты языка и создавая все более полные версии. Но каждая версия лишь яснее показывала свою неадекватность, заставляя меня расширять конечные цели, превращая их в Святой Грааль в конце расходящегося бесконечного регресса. Ничем не лучше, чем пытаться создать язык ex nihilo[5 - Из ничего (лат.).].

А как же с четвертой ампулой? Никак не могу выкинуть ее из головы: любая неудача, на которую я натыкаюсь на своем нынешнем плато, напоминает мне о возможности более высоких вершин.

Конечно, есть серьезный риск. Инъекция может дать осложнения в виде повреждения мозга или безумия. Искушение от Дьявола, быть может, но все же искушение. И я не вижу причин сопротивляться.

Риск был бы меньше, если бы я сделал себе инъекцию в условиях больницы или если бы кто-то был в моей квартире. Однако я решаю, что инъекция либо будет

успешной, либо вызовет необратимые повреждения, и потому обхожусь без этих предосторожностей.

Я заказываю аппаратуру у компании-поставщика медицинского оборудования и сам собираю прибор для интраспинальных инъекций. До полного эффекта могут пройти дни, а потому я запираю себя в спальне своей квартиры. Не исключено, что реакция у меня окажется бурной, и я убираю все бьющееся, а к кровати привязываю свободные петли. Соседи, если услышат, решат, что это воет наркоман.

Я делаю себе инъекцию и жду.

Мозг горит огнем, позвоночник прожигает спину, я почти в апоплексии. Ослеп, оглох, ничего не ощущаю.

И галлюцинирую. С такой противоестественной ясностью и резкостью, что это не могут не быть иллюзии, мерещатся мне несказанные кошмары, они нависают надо мной – сцены не физического насилия, но душевного увечья.

Ментальная агония – и оргазм. Ужас – и истерический смех.

На краткий миг возвращается восприятие. Я лежу на полу, вцепившись себе в волосы, и вырванные их пучки лежат рядом со мной. Одежда промокла от пота. Я прикусил язык, в горле горит – от крика, наверное. От судорог все тело в синяках, вероятно, есть и сотрясение, если судить по шишкам на затылке, но я ничего не чувствую. Часы прошли или мгновения?

И снова зрение затуманивается, и возвращается ревущий шум.

Критическая масса.

Откровение.

Я понимаю механизм собственного мышления. Я точно знаю, каким образом я знаю, и понимание стало рекурсивным. Я понимаю бесконечную регрессию самопознания – не бесконечным движением шаг за шагом, но постижением предела. Природа рекурсивного познания мне ясна. Слово «самосознание» обретает новое значение.

Fiat logos[6 - Да будет слово (лат.).]. Я постигаю собственный разум в терминах языка такого выразительного, какого я никогда не мог себе вообразить. Как Бог, создающий порядок из хаоса словом, я создаю себя заново этим языком. Он метасамоописывающийся и самоизменяющийся: он не только может описать мысль, он может описывать и изменять собственные операции, причем на всех уровнях. Что бы дал Гёдель, чтобы увидеть такой язык, где изменение предложения влечет за собой адаптивные изменения всей грамматики?

С этим языком я теперь понимаю, как работает мой разум. Я не притворяюсь, будто вижу, как срабатывают мои нейроны – оставлю такие заявки Джону Лилли и его экспериментам шестидесятых годов с ЛСД. Нет, я воспринимаю гештальты, я вижу, как создаются и взаимодействуют ментальные структуры. Я вижу, как думаю, и вижу уравнения, описывающие это мышление, и вижу себя, воспринимающего эти уравнения, и вижу, как уравнения описывают, что их кто-то воспринимает.

Я знаю, как из этих уравнений возникают мои мысли.

Вот эти.

* * *

Поначалу я ошеломлен свалившейся на меня информацией, парализован осознанием самого себя. Через несколько часов я научаюсь контролировать этот самоописывающийся поток. Я его не отфильтровал, не отодвинул в фоновый режим. Он соединился с моим мыслительным процессом и используется в процессе моей обычной деятельности. Еще не сразу я научусь извлекать из него пользу без усилий и действенно, как балерина, полностью владеющая своим телом.

Все то, что я знал о своем разуме теоретически, я сейчас вижу явно и детально. Подводные течения секса, агрессии и самосохранения, измененные условиями воспитания в детстве, сталкиваются друг с другом и иногда маскируются под рациональные мысли. Я узнаю все причины своих настроений, знаю мотивы, лежащие в основе всех моих решений.

И что можно сделать с этим знанием? Многое из того, что обычно называют «личностью», в моей власти, а высшие уровни моей психики определяют, кто я сейчас. Я могу погрузить свой ум в самые разные ментальные и эмоциональные состояния и при этом осознавать эти состояния и иметь возможность восстановить исходные условия. Я понял механизмы, которые действовали, когда я выполнял сразу две работы, я могу разделить сознание, одновременно почти полностью сосредоточиваясь на двух и более проблемах и полностью их видя в целом, метаосознавать их все. Что я еще могу?

Я заново узнаю свое тело, будто вдруг культю инвалида заменили рукой часовщика. Управлять подчиняющимися воле мышцами – это просто, координация у меня нечеловеческая. Навыки, которые обычно вырабатываются после тысяч повторений, я могу запомнить за два-три. Я нашел видео, где сняты руки играющего пианиста, и вскоре мог повторить его движения, даже не имея перед собой клавиатуры. Избирательное сокращение и расслабление мышц увеличивают мою силу и гибкость. Время мышечной реакции – тридцать пять миллисекунд как для сознательных, так и для рефлекторных действий. Изучить акробатику и боевые искусства мне было бы просто.

Я телесно осознаю функции почек, всасывание питательных веществ, работу желез. Я даже знаю, какую роль играют в моем мозгу нейромедиаторы. Осознание требует более активной мозговой деятельности, чем в любой стрессовой ситуации с резким выделением гормонов надпочечников. Часть моего разума поддерживает условия, которые убили бы обычный ум и тело за несколько минут. Корректируя программы своего разума, я испытываю приливы и отливы всех веществ, что включают мои эмоциональные реакции, подхлестывают внимание или слегка меняют отношение к разным предметам.

А потом я обращаю взгляд наружу.

Ослепительная, радостная, ужасающая симметрия окружает меня. Столько заключено теперь в окруживших меня узорах, что вот-вот сама вселенная разрешится в виде картины. Я приближаюсь к окончательному гештальту: контексту, в котором любое знание встает на место и сияет; это мандала, музыка сфер, космос.

Я ищу просветления не духовного, но рационального. Мне еще надо пройти дорогу к нему, но сейчас она не будет постоянно ускользать из-под пальцев. Имея теперь язык моего разума, я могу точно рассчитать расстояние между мной и этим просветлением – я увидел свою конечную цель.

Теперь надо спланировать следующие действия. Во-первых, нужно добавить простые усиления к самосохранению, начав с боевых искусств. Я посмотрю несколько состязаний, чтобы изучить возможные атаки, хотя сам буду применять только защитные действия: я могу двигаться достаточно быстро, чтобы избежать самых молниеносных ударов. Это позволит мне защитить себя и разоружить любого уличного хулигана, если на меня нападут. Тем временем мне придется есть обильно, чтобы удовлетворить требования моего мозга по питанию, даже с учетом возросшей эффективности метаболизма. Еще надо будет побрить голову, чтобы улучшить охлаждение мозга при усиленном кровотоке.

А потом основная цель: расшифровать образы. Для дальнейшего усиления мозга возможны только искусственные усовершенствования. Мне нужна была бы прямая связь «мозг – компьютер», чтобы загружать информацию прямо в разум, но для этого я должен будут создать новые отрасли промышленности. Любые способы цифровых вычислений будут здесь неадекватны; то, что я задумал, потребует наноструктуры на базе нейронных сетей.

Обрисовав эти основные идеи, я включаю мозг в многопроцессорный режим: одна секция разума разрабатывает математику, моделирующую поведение этой сети, другая создает процесс репликации информации по нейронным путям на молекулярном уровне в самовосстанавливающейся биокерамической среде, третья обдумывает тактику создания нужной мне промышленности. Терять время я не могу: я ввожу в мир революционную теорию и технику, и все эти отрасли должны начать работу сразу.

Я выхожу во внешний мир, чтобы снова изучать общество. Язык знаков, передающий эмоции, который я когда-то знал, сменился матрицей взаимосвязанных уравнений. Силовые линии вьются и изгибаются между людьми, предметами, учреждениями, идеями. Люди трагически напоминают марионеток: каждая движется отдельно, но все они связаны сетью, которую предпочитают не видеть. Они могли бы воспротивиться, но очень мало кто на это идет.

Сейчас я сижу в баре. За три стула от меня сидит мужчина, знакомый с заведениями такого типа; он оборачивается и замечает пару в темном углу. Мужчина улыбается, жестом подзывает бармена и наклоняется к нему по секрету поговорить об этой паре. Мне не надо слышать, что он говорит.

Он лжет бармену легко и непринужденно. Это спонтанный лжец, и лжет он не чтобы как-то внести интерес в свою жизнь, но чтобы порадоваться своей способности дурачить людей. Он знает, что бармену все равно, и тот лишь изображает интерес, хотя все же верит.

Моя восприимчивость к языку жестов людей выросла настолько, что я это все замечаю, не глядя и не слушая: я чую феромоны, которые испускает его кожа. До некоторой степени мои мышцы способны чувствовать напряжение его мышц – быть может, через их электрическое поле. Эти каналы не могут передавать точную информацию, но получаемые мною впечатления дают обильную основу для экстраполяций, они добавляют плетение к паутине.

Обычные люди могут воспринимать эту информацию подсознательно. Я постараюсь получше на них настроиться; потом, быть может, попробую контролировать выдачу собственной.

Я выработал у себя способности, напоминающие способы манипулирования чужим разумом, которые предлагают объявления бульварных газет. Способность контролировать эманации тела позволяет мне вызывать у людей в точности желаемую реакцию. С помощью феромонов и напряжения мышц я могу вызвать у человека гнев, страх, сочувствие или сексуальное возбуждение. Вполне достаточно, чтобы завоевывать друзей и оказывать влияние.

Я могу вызвать в других даже самоподдерживающуюся реакцию. Связывая определенные реакции с чувством удовлетворения, я могу создавать петлю положительной обратной связи, контур усиления: тело человека будет усиливать собственную реакцию. Я воспользуюсь этим, чтобы повлиять на президентов корпораций и создать необходимые мне отрасли промышленности.

Я больше не могу видеть сны – в нормальном смысле. У меня нет ничего, что можно было бы назвать подсознанием, и я контролирую все технические функции, выполняемые мозгом, так что работы, выполняемые фазой быстрого сна, стали ненужными. Бывают моменты, когда мое владение собственным разумом ослабевает, но их вряд ли можно назвать снами. Скорее метагаллюцинациями, и это чистая пытка. В эти периоды я отключаюсь: я вижу, как разум порождает странные видения, но я парализован и не в состоянии реагировать. Я с трудом могу идентифицировать то, что вижу: образы причудливых бесконечных ссылок на себя и изменений, которые даже мне кажутся бессмысленными.

Мой разум истощает ресурсы мозга. Биологическая структура таких размеров и сложности едва может поддерживать осознающую себя психику. Но самосознание есть также саморегуляция – до некоторой степени. Я даю разуму полный доступ ко всему, что доступно, и удерживаю его от выхода за эти пределы. Однако это трудно: я заперт в бамбуковой клетке, где ни сесть, ни встать. Если я попытаюсь расслабиться или полностью разогнуться – сразу же агония и безумие.

Я галлюцинирую. Я вижу, как мой разум воображает возможные конфигурации, которые он мог бы принять, а потом коллапсирует. Я свидетель собственных иллюзий, видений того, чем может стать мой разум, когда я восприму окончательный гештальт.

Достигну ли я окончательного самосознания? Смогу ли открыть компоненты, которые составляют мои собственные ментальные гештальты? Найду ли врожденное знание морали? Я мог бы понять, способен ли разум возникнуть из материи спонтанно, понять, как связано сознание с остальной вселенной. Я мог бы увидеть, как сливаются субъект и объект: центр всего опыта мира.

Или, быть может, я обнаружил бы, что гештальт разума не может быть создан и требуется вмешательство. Может быть, я увидел бы душу, тот ингредиент сознания, что выше физической сущности. Доказательство существования Бога? Я бы мог увидеть смысл, истинный характер существования.

Я мог бы достичь просветления. Должно быть, эйфорическое переживание…

Разум коллапсирует обратно в состояние здравого рассудка. Надо держать себя на более коротком поводке. Когда я контролирую метапрограммный уровень, разум отлично самовосстанавливается: я могу вернуть себя из состояний, похожих на бред или амнезию. Но если я слишком далеко захожу на этом уровне, разум может стать неустойчивой структурой, и тогда я впаду в состояние далеко за пределами обычного безумия. Я запрограммирую разум на запрет выхода за пределы диапазона репрограммирования.

Эти галлюцинации укрепляют мою решимость создать искусственный мозг. Только имея такую структуру, я смогу действительно воспринять все гештальты, а не мечтать о них. Чтобы достичь просветления, я должен дойти до следующей критической массы – в терминах нейронных аналогов.

Я открываю глаза: два часа двадцать восемь минут десять секунд с момента, когда я закрыл глаза для отдыха, хотя и не для сна. Я встаю с кровати.

Запрашиваю на терминал курсы акций, гляжу на экран – и застываю.

Экран кричит. Он мне говорит, что есть в мире еще один человек с усовершенствованным разумом.

Пять моих инвестиций принесли убытки – не катастрофические, но достаточно большие, чтобы я их мог предусмотреть по языку жестов брокеров. Я читаю их список по алфавиту, и первые буквы названий корпораций, у которых упали акции, таковы: Г, Е, К, О и Р. Переставить – получается ГРЕКО.

Кто-то посылает мне весть.

Где-то есть еще человек, подобный мне. Был, наверное, еще один коматозный пациент, получивший третью инъекцию гормона «К». Он стер себя из базы данных ФСИЛ раньше, чем я полез ее смотреть, и подставил фальшивую запись в файл своего врача, так что никто не заметил. Он тоже украл еще одну ампулу гормона, дав ФСИЛ лишнюю причину закрыть свои файлы, и, неведомый властям, достиг моего уровня.

Он, наверное, опознал меня по системе инвестиций под моими вымышленными именами. Чтобы это сделать, он должен был уже иметь закритический уровень. Он мог вызвать внезапные и точные изменения, чтобы создать у меня эти убытки и привлечь внимание.

Я смотрю несколько служб данных, проверяя курс акций. Записи в моем списке верны, то есть мой партнер не стал просто менять значения в моей учетной записи. Он изменил положение с продажами акций пяти не связанных между собой корпораций, чтобы послать слово. И это было сделано демонстративно – я оценил искусство.

Очевидно, его начали лечить раньше, чем меня, а тогда он ушел дальше моего, но насколько? Я запускаю экстраполяционный расчет его вероятного прогресса, и эту информацию восприму, когда расчет будет готов.

Решающий вопрос: он враг или друг? Это просто добродушная демонстрация его силы или указание на намерение меня уничтожить? Потерянные суммы для меня умеренные: это показывает его заботу обо мне или о корпорациях, которыми ему пришлось манипулировать? Учитывая все безобидные способы, которыми он мог бы привлечь мое внимание, я вынужден предположить некоторую враждебность.

В этом случае я подвергаюсь риску – любому, от нового щипка и до смертельного нападения. В качестве предосторожности я немедленно уезжаю. Разумеется, если бы этот человек был явно враждебен, я уже был бы мертв. То, что он послал весть, значит, что он хочет поиграть. Мне надо поставить себя в равные с ним условия: скрыть свое местонахождение, определить, кто он, а потом попытаться связаться с ним.

Город я выбираю наудачу: Мемфис. Я отключаю экран, одеваюсь, собираю сумку и беру весь аварийный запас наличности.

В гостинице в Мемфисе я начинаю работать с терминалом дейтанет. Прежде всего я маршрутизирую свои действия через несколько фальшивых терминалов: для рутинного полицейского прослеживания мои запросы будут исходить с разных терминалов по всему штату Юта. Военная разведка могла бы проследить их до терминала в Хьюстоне, проследить же до Мемфиса было бы задачей даже для меня. Сигнальная программа в Хьюстоне даст мне знать, если кто-то проследит мой путь туда.

Сколько следов к своей личности стер мой близнец? Не имея всех файлов ФСИЛ, я начну с файлов курьерских служб разных городов, ища доставку из ФСИЛ в больницы за время исследований гормона «К». Потом проверю все случаи мозговых травм за это время, и будет с чего начать.

Если даже какая-то подобная информация осталась, ценность ее невелика. Куда существеннее будет исследовать картину инвестиций – найти следы усиленного разума. Но на это уйдет время.

Его зовут Рейнольдс. Он из Феникса, и раннее его развитие шло параллельно с моим. Третью инъекцию он получил шесть месяцев и четыре дня тому назад, что дает ему фору в пятнадцать дней. Он не стирал никаких очевидных записей – ждет, чтобы я его нашел. По моей оценке, он пребывает в закритическом состоянии уже двенадцать дней, вдвое дольше меня.

Теперь я знаю его систему инвестиций, но разыскать Рейнольдса – задача для Геркулеса. Я просматриваю журналы использования терминалов дейтанет в поисках учетных записей, куда он проникал. У меня на терминале высвечиваются двенадцать строк. Я пользуюсь клавиатурами для одной руки и ларингофоном и потому могу работать сразу над тремя запросами. В основном мое тело неподвижно; во избежание усталости я регулирую кровоток до должного уровня, включаю регулярное сокращение и расслабление мышц и удаление молочной кислоты. Воспринимая все видимые данные, изучая мелодию по нотам, я ищу центр дрожания паутины.

Проходят часы. Мы оба сканируем гигабайты данных, кружа друг возле друга.

Он в Филадельфии. И ждет моего приезда.

На заляпанном грязью такси я еду к Рейнольдсу. Судя по тому, к каким базам данных он обращался, Рейнольдс интересовался использованием генной модификации микроорганизмов для переработки токсических отходов, инерциальными ловушками для термоядерной реакции и подсознательным рассеиванием информации в обществе и различных структурах. Он собирается спасти мир, защитить его от него самого. И потому его мнение обо мне неблагоприятно.

Я не проявил интереса к внешнему миру, не проводил никаких исследований для помощи нормалам. Никто из нас не сможет переубедить другого. Для меня мир не имеет значения по сравнению с моими целями, а он не может допустить, чтобы усиленный разум работал чисто ради собственного интереса. Мои планы по созданию связей «разум – компьютер» отзовутся в мире гигантским эхом, вызвав реакцию правительств или народов, которая помешает его планам. Как гласит пословица, если я не решение, значит, я проблема.

Если бы мы были членами общества людей с усиленным разумом, природа человеческого взаимодействия имела бы иной порядок. Но в существующем обществе мы неизбежно станем тяжелыми танками, которые последствиями действий нормалов могут пренебречь. Будь мы даже в двенадцати тысячах миль друг от друга, мы не могли бы друг друга не замечать. Необходимо решение.

Мы оба обошлись без нескольких раундов игры. Есть тысяча способов, которыми мы могли бы попытаться убить друг друга, – от нанесения нейротоксина на дверную ручку до организации точечного удара с военного спутника. Мы оба могли бы обшаривать физическое пространство и дейтанет в поисках мириадов возможностей и ставить ловушки на пути поиска друг друга. Но ни один из нас ничего такого не сделал, не чувствовал необходимости к этому прибегать. Простая бесконечная регрессия пересмотра и обдумывания отвергла подобные способы. Решающими станут те приготовления, которые мы не можем предсказать.

Такси останавливается, я расплачиваюсь и иду в дом. Электрический замок отпирается передо мной сам. Я снимаю пальто и поднимаюсь на четыре пролета.

Дверь в квартиру Рейнольдса уже открыта. Я вхожу в гостиную и слышу гиперускоренную полифонию из цифрового синтезатора. Очевидно, прибор сделан Рейнольдсом: звуки модулированы неслышимо для обычных ушей, и даже я не могу найти в них систему. Быть может, эксперимент с музыкой высокой информационной плотности.

В комнате большое вращающееся кресло, спинкой ко мне. Рейнольдса не видно, а телесные эманации он снизил до коматозного уровня. Я неявно открываю свое присутствие и то, что я его узнал.

<Рейнольдс.>

Ответ:

<Греко.>

Медленно и плавно поворачивается кресло. Он улыбается и глушит стоящий рядом синтезатор. Удовлетворение.

<Рад познакомиться.>

Мы для общения используем фрагменты языка тела нормалов – сокращенная версия естественного языка. Каждая фраза занимает десятые доли секунды. Я выражаю сожаление:

<Очень жаль, что мы должны встречаться как враги.>

Грустное согласие, потом гипотеза:

<Совершенно верно. Представь, как могли бы мы переменить мир, действуя в согласии. Два усиленных разума – такая упущенная возможность.>

Это правда. Совместные действия дали бы куда больше, чем мы можем достичь каждый в отдельности. Любое взаимодействие было бы невероятно плодотворным – какая радость была бы просто вести дискуссию с кем-то, чья быстрота не уступает моей, кто может предложить идею, для меня новую, кто может услышать те же мелодии, что и я. И он желает того же. Нам обоим больно

думать, что один из нас не выйдет из этой комнаты живым.

Предложение:

<Что, если нам поделиться друг с другом тем, что мы узнали за эти полгода?>

Он знает, что я отвечу.

Мы будем говорить вслух, поскольку язык тела лишен технического словаря. Рейнольдс быстро и спокойно произносит пять слов. Они куда более нагружены смыслом, чем любая строфа стихов: в каждом слове есть логическая зацепка, за которую я могу схватиться, предварительно постигнув полный смысл слова предыдущего. В целом эти слова составляют революционное прозрение в социологии. Рейнольдс языком тела сообщает, что это было среди первого, что он постиг. Я пришел к тому же осознанию, но сформулировал его по-другому. Я немедленно возражаю семью словами, где в четырех собраны различия между моим прозрением и его, а три следующих описывают неочевидные результаты этих различий. Он отвечает.

Мы продолжаем. Мы как два барда, и каждый побуждает другого добавить следующий куплет, а вместе они составляют эпическую поэму знания. За несколько мгновений мы набираем скорость, перехватывая слова друг друга, но слыша каждый оттенок, и воспринимаем, сопоставляем, отвечаем непрерывно, одновременно, едино.

Идут минуты. Я многое узнал от него, он от меня. Это восторг – так окунуться в идеи, следствия из которых мне придется обдумывать много дней. Но мы собираем и стратегическую информацию: я оцениваю объем его невысказанных знаний, сравниваю со своим и моделирую его процесс оценки меня. Никуда не девается сознание, чем должно все это кончиться: наш обмен лишь еще сильнее проясняет идеологические различия.

Рейнольдс не видел той красоты, что видел я, он стоял перед прекрасными озарениями, будучи к ним безразличен. Единственный гештальт, который его вдохновляет, – это тот, который игнорирую я: планетарное сообщество, биосфера. Я влюблен в красоту, он – в человечество. Каждый из нас чувствует, что другой отвергает великие возможности.

У него есть неупомянутый план создать глобальную сеть влияния, создать процветание в мире. Ради этого он будет использовать людей, из которых одним даст просто повышенный интеллект, другим – метасамосознание, и немногие из последних будут представлять для него угрозу.

<Зачем идти на такой риск ради нормалов?>

<Твое безразличие по отношению к ним было бы оправданно, если бы ты был просветленным и твой мир не пересекался бы с их миром. Но раз ты и я все еще можем воспринимать их дела, мы не можем быть к ним равнодушными.>

Я в состоянии точно измерить дистанцию между нашими моральными позициями, увидеть напряжение между несовместимыми линиями. Им движет не просто сочувствие или альтруизм, но что-то включающее оба эти чувства. Я же сосредоточен лишь на понимании возвышенного.

<А красота, видимая из просветления? Разве она тебя не привлекает?>

<Ты знаешь, какая структура нужна для поддержания просветленного сознания. У меня нет причин ждать все время, которое понадобится для создания соответствующей промышленности.>

Он считает интеллект средством, а я – целью в себе. Более высокий интеллект будет ему мало полезен. На его нынешнем уровне он может найти наилучшее решение в области человеческого опыта и далеко вне его. Все, что ему нужно, – достаточное время, чтобы это решение воплотить.

В дальнейшей дискуссии нет смысла. По взаимному молчаливому согласию мы начинаем.

Бессмысленно говорить об элементе внезапности, когда мы начинаем атаку: наше сознание не может стать более бдительным от предупреждения. Это не великодушная вежливость, когда мы соглашаемся о начале битвы: это признание неизбежного.

В моделях друг друга, которые построили мы по опыту взаимодействия, есть пробелы, лакуны: внутреннее психологическое развитие каждого и сделанные

нами открытия. От этих мест не излучался отзвук, не тянулись нити к мировой паутине – до этого мгновения.

Я начинаю.

И сосредоточенно создаю в нем два контура усиления. Один очень прост: он повышает кровяное давление резко и невероятно высоко. Если его не трогать секунду, давление вырастет до уровня инсульта – где-то 400 на 300 – и капилляры мозга взорвутся.

Рейнольдс реагирует мгновенно. Хотя по нашему разговору ясно было, что он никогда ни в ком не пытался наводить контуры биоусиления, он сразу понимает, что происходит. И тут же снижает частоту сердцебиения и расширяет все сосуды тела.

Но истинный мой удар – это другой, куда более тонкий контур усиления. Это оружие, которое я стал разрабатывать, как только начал искать Рейнольдса. Этот контур заставляет нейроны выделять огромные количества антагонистов нейромедиаторов, не давая импульсу проходить через синапсы, останавливая мозговую деятельность. И этот контур я излучаю куда интенсивнее первого.

В процессе парирования мнимой атаки Рейнольдс испытывает некоторое ослабление сосредоточенности, скрытое эффектом повышенного давления. Мгновение спустя его тело начинает само усиливать этот эффект. Рейнольдс ошеломлен тем, как размываются его мысли. Он ищет механизм и вскоре его находит, но долго удержать не сможет.

Как только функции его мозга снизятся до уровня нормала, я без труда смогу манипулировать его сознанием. Гипноз заставит его отрыгнуть почти всю информацию, которой владеет его усиленный разум.

Я проверяю его язык тела, ища признаки снижения интеллекта. Регрессия несомненна.

И вдруг она останавливается.

Рейнольдс в равновесии. Я потрясен – он сумел сломать контур усиления. Он отбил самую изощренную атаку, какую я смог придумать.

Следующим шагом он ликвидирует нанесенные повреждения. Даже начав при сниженных способностях, он исправляет баланс нейромедиаторов. И за несколько секунд восстанавливается полностью.

Я ведь тоже был для него прозрачен. В нашем разговоре он понял, что я изучал контуры усиления, и разработал превентивные меры так, что я и не заметил. Потом он изучил конкретику моей атаки по мере ее развития и понял, как обратить эти эффекты. Я поражен его проницательностью, его быстротой, его скрытностью.

Он признает мое искусство.

<Очень интересная техника, и подходящая, учитывая твой эгоцентризм. Я даже не увидел, когда…>

Внезапно он выдает иной соматический символ, который я узнаю. Он воспользовался этим символом, когда три дня назад прошел за мной в бакалейной лавке. В проходе было много народу: рядом со мной находились старуха, пыхтящая в респираторе, подросток, перебравший кислоты, одетый в рубашку на жидких кристаллах с психоделическими узорами. Рейнольдс скользнул мимо, сосредоточив разум на стойке с порножурналами. Это наблюдение не сообщило ему ничего о моих контурах усиления, но дало более детальную картину моего разума.

Такую возможность я предвидел и реформирую свою психику, включая в нее случайные элементы ради непредсказуемости. Уравнения моего разума сейчас имеют мало сходства с обычным моим сознанием, и это подрывает любые предположения, которые мог сделать Рейнольдс, а все его приемы, рассчитанные на конкретную душу, оказываются неэффективными.

И я выделяю эквивалент улыбки.

Рейнольдс улыбается в ответ.

<Ты когда-нибудь думал о…> – и вдруг он излучает лишь молчание. Он собирается что-то сказать, но я не могу предвидеть что. И это произносится как шепотом: <…командах саморазрушения, Греко?>

При этом его высказывании лакуна в моей реконструкции его сути заполняется и переполняется, и следствия окрашивают все, что я знаю о нем. Он имеет в виду Слово: фразу, которая, будучи произнесена, разрушает разум того, кто слушал. Рейнольдс утверждает, что этот миф – правда, что у каждого разума есть такой встроенный спусковой механизм – есть фраза, которая может сделать человека сумасшедшим, идиотом, кататоником. И он говорит, что знает такое слово для меня.

Я тут же отключаю все органы чувств, направляя входную информацию от них в изолированный буфер кратковременной памяти. Потом создаю имитатор собственного сознания, чтобы воспринимать этот поток и впитывать его с уменьшенной скоростью. Я, как метапрограммист, уравнения имитации стану отслеживать косвенно. Только когда будет подтверждено, что сенсорная информация безопасна, я ее получу. Если имитатор будет разрушен, мое сознание окажется изолировано от него, и я прослежу шаг за шагом, что привело к краху системы, и пойму, как мне перепрограммировать свою психику.

Все приготовления я успел сделать, когда Рейнольдс закончил произносить мое имя: следующая его фраза могла быть командой уничтожения. Я теперь воспринимаю входную информацию от органов чувств с задержкой на сто двадцать миллисекунд. Я пересматриваю свой анализ человеческого разума в поисках доказательств его предположения.

А тем временем отвечаю легко и небрежно:

<Давай свой коронный выстрел.>

<Не бойся, он у меня не на кончике языка.>

Мой поиск что-то дает. Я ругаюсь про себя: есть очень хитро скрытый черный ход в конструкции психики, который я не заметил, потому что не искал. Мое оружие было рождено интроспекцией, а он придумал такое, которое мог создать только манипулятор.

Рейнольдс знает, что я построил оборону. Не рассчитана ли его спусковая команда на ее обход? Я продолжаю изучать природу действия спусковой команды.

<Чего ты ждешь?>

Он уверен, что это дополнительное время не даст мне возможности построить эффективную оборону.

<Угадай.>

Какое самодовольство! Неужели он действительно так легко может со мной играть?

Я прихожу к теоретическому описанию действия спусковой команды на нормала. Есть общая команда, которая может сделать из любого докритического разума tabula rasa[7 - Чистая доска (лат.).]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Tower of Babylon © Ted Chiang, 1990.

© Перевод. А. Комаринец, 2005.

2

Персидский залив.

3

Understand © Ted Chiang, 1991.

© Перевод. М.Б. Левин, 2005.

4

Позитронно-эмиссионная томография.

5

Из ничего (лат.).

6

Да будет слово (лат.).

7

Чистая доска (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/chan_ted/istoriya-tvoey-zhizni-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити